

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ

РАЗВЕДКА И КРЕМЛЬ

ЗАПИСКИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОГО СВИДЕТЕЛЯ

Павел Анатольевич Судоплатов
Разведка и Кремль. Записки
нежелательного свидетеля
Серия «Иллюстрированная
хроника тайной войны»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39448231

Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля / П.А.

Судоплатов: Алгоритм; 2018

ISBN 978-5-907120-05-1

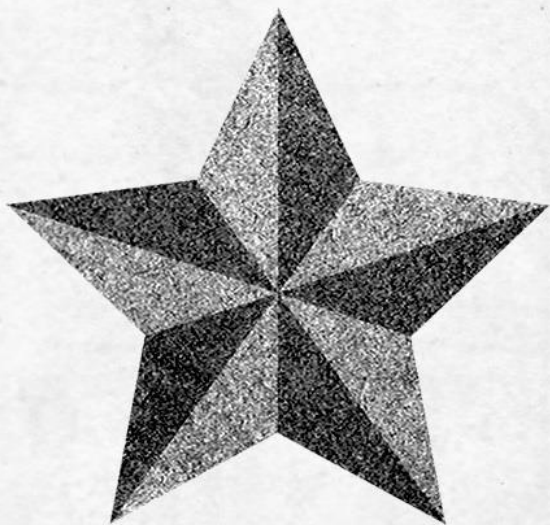
Аннотация

Почти четверть века назад, сначала на Западе, а затем и в России была опубликована книга гроссмейстера сталинской политической разведки Павла Судоплатова «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля». Это произведение сразу же стало бестселлером. Что и не удивительно, ведь автор – единственный из руководителей самостоятельных центров военной и внешнеполитической разведки Советского Союза сталинской эпохи, кто оставил подробные воспоминания. В новом юбилейном коллекционном издании книги «Разведка и Кремль» – подробный и откровенный рассказ Павла Судоплатова «о противоборстве спецслужб и зигзагов во

внутренней и внешней политике Кремля в период 1930–1950 годов» разворачивается на фоне фотодокументов того времени. Портреты сотрудников и агентов советских спецслужб (многие из которых публикуются впервые); фотографии мест, где произошли описанные в книге события; уникальные снимки, где запечатлены результаты деятельности советской разведки – все это позволяет по-новому взглянуть на происходящие тогда события.

Содержание

От автора	6
Глава 1	11
Глава 2	99
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Павел Судоплатов

Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля

От автора

Хотим мы того или не хотим, но проходит время, и то, что еще вчера было Великой Государственной Тайной, теряет свою исключительность и секретность в силу крутых поворотов в истории государства и становится общим достоянием – было бы желание знать правду.

Судьба распорядилась так, что к моменту завершения этой книги я, один из руководителей самостоятельных центров военной и внешнеполитической разведки Советского Союза, остался единственным свидетелем противоборства спецслужб и зигзагов во внутренней и внешней политике Кремля в период 1930–1950 годов.

Несмотря на репрессии в довоенные и послевоенные годы, мне, находившемуся в заключении 15 лет, в силу причудливого стечения обстоятельств и несомненного везения, удалось выжить и записать ряд воспоминаний, связанных с про-

тиворечивым и трагическим развитием событий того времени.

Дела разведки и контрразведки никогда не были в почете у руководящих кругов России. Однако при тоталитарном правлении они порой приобретали существенное значение в действиях властей. Собственная популярность меня как профессионала занимает меньше всего, но после распада СССР, как мне представляется, прежде всего в силу беспринципной грызни и борьбы за власть в стране, я считаю своим долгом рассказать людям правду о том, что было на самом деле в 30 – 50-е годы, чтобы они поняли логику трагических и героических событий в истории нашей Родины. Мотивы преступных репрессий, в которых повинны руководство страны и органы безопасности, были связаны не только с личными амбициями Сталина и других «вождей», но и с той борьбой за власть, которая постоянно шла внутри их окружения. Эту борьбу всегда умело прикрывали громкими лозунгами – «борьба с уклонами» в правящей партии «ускоренного строительства коммунизма», «борьба с врагами народа», «борьба с космополитами», «перестройка». А в итоге жертвами всех этих кампаний всегда оказывались миллионы ни в чем не повинных людей.

Для меня это основная тема книги. Уверен, она очень расходится с мифом о побудительных мотивах действий так называемых «консервативных» или «демократических» кругов бывшего кремлевского руководства.

Я считаю необходимым также обратить внимание на то, что мои воспоминания ни в коей мере не претендуют на роль научно-исторического повествования. Это субъективный взгляд очевидца на то, как работали механизмы, приводившие в действие политическую машину СССР, как удалось создать ценой колоссальных жертв могущественное государство, в известной мере определившее развитие мировых событий в 30-е и 50-е годы, ставшее сверхдержавой, державшее в страхе не только своих граждан, но и весь мир. Его сила была в ликвидации нищеты и разрухи, охвативших страну после гражданской войны, в глубокой вере в правоту великой социальной революции XX века. Именно поэтому, симпатизируя СССР, его напрямую и косвенно поддерживали великие умы современного мира – Нильс Бор, Энрико Ферми, Роберт Оппенгеймер, Альберт Эйнштейн и другие.

В жестокое противоборство СССР и западного мира заложена главная причина взаимной нетерпимости во всех событиях внутренней и внешней политики нашей страны.

У меня нет никаких сомнений, как бы это ни оспаривали сегодня, что правящие круги Запада не только ненавидели наше государство, но и на всем протяжении его истории делали все, что было в силах, для его гибели. Вынужденный союз США, Англии и СССР в борьбе с гитлеризмом в годы войны также не был передышкой в их противоборстве. «Холодная война» продолжалась, просто быстрое поражение СССР в борьбе с Германией было невыгодно Западу, опасав-

шемуся за свое мировое господство. Вплоть до декабря 1991 года делалось все для ослабления СССР. И сейчас мы испытываем мучительные переживания в связи с переходом в новую стадию противоборства и сотрудничества со странами Запада, которые все равно будут базироваться на исторической роли России как одной из сверхдержав современности. Однако сейчас, в отличие от прошлых лет, речь не идет о выживании нашего государства.

Наследие СССР надежно гарантирует допустимые повороты и зигзаги, делает нас мощным партнером в переговорах на международной арене. Конечно, внутренняя нестабильность в стране, провалы в экономической политике неизбежно заставляют правящие круги и ныне – в который раз – возлагать ответственность за допущенные ошибки на прошлое руководство. Отсюда постоянная неприязнь, перерастающая порой в ненависть к тем, кто своей реальной работой внес вклад в тот базис современного развития, который остается до сих пор несокрушимым фактором гордости и престижа Родины.

Соблюдая военную присягу, я молчал, пока существовал Советский Союз. Когда деятельность советской разведки и ряд аспектов внешней политики СССР перестали быть секретными после известных событий 1991 года, и все то, чему я верно служил, перестало существовать, я не мог и не имел права дальше молчать. К сожалению, у меня не было иного выхода, как издать воспоминания первоначально на Западе,

так как отечественные издатели намерены были их опубликовать только после консультации в «компетентных инстанциях». Я искренне благодарен Дж.

и Л. Шехтерам, которые сделали литературную запись моих воспоминаний и помогли им увидеть свет.

В создании настоящей книги мне оказали большую поддержку мои боевые товарищи, с которыми я делил все трудности нашей сложной и опасной работы. Считаю своим долгом особо поблагодарить за моральную помощь в издании этой книги бывшего начальника советской внешней разведки Л.В. Шебаршина, ветеранов органов госбезопасности С.А. Ананьина, П.И. Массю, А.Н. Рылова, И.А. Щорса, Ю.А. Колесникова, З.В. Зарубину, А.Ф. Камаеву-Филоненко, писателя-публициста К.А. Стоярова.

Глава 1

Боевое крещение

Я родился в 1907 году на Украине, в городе Мелитополе, расположенном в богатом фруктами регионе и в то время насчитывавшем около двадцати тысяч жителей. Мать у меня русская, а украинцем был мой отец – разнорабочий, пекарь, булочник, повар, официант. Как и всех детей – а нас в семье было пятеро, – меня крестили в русской православной церкви на день Петра и Павла. Мое начальное образование включало в себя изучение Нового и Ветхого Завета и основ русского языка, поскольку в царское время преподавание украинского в школах запрещалось. Пользовались им лишь в качестве разговорного. До десяти лет, пока не умер отец, у меня было самое обычное детство. После его смерти заботы о семье легли на плечи матери и старшей сестры. В год смерти отца произошла революция, власть взяли большевики.

Мелитополь. Начало XX века

Поначалу жизнь в городе мало в чем изменилась, и все текло по-заведенному. Однако, как только подошли к концу запасы продовольствия, начался хаос, сопровождавшийся бандитским террором. У нашей семьи не было никакой собственности, мы арендовали двухкомнатную квартиру в маленьком одноэтажном доме, принадлежавшем домовладельцу Хроленко. Мое восприятие событий того времени можно считать типичным для семей с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, я всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным «Азбуку революции», что общественная собственность будет означать построение справедливого общества, где все будут равны, а страной бу-

дуг управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей, а не помещиков и капиталистов.

Евгений Михайлович Коновалец (1891 (1892?) – 1938) – видный деятель украинского националистического движе-

ния 1920 – 1938 годов

Мой старший брат Николай вступил в Красную Армию в 1918 году – через два года он стал бойцом в отряде ЧК. За год до этого, в двенадцатилетнем возрасте, я убежал из дому и присоединился к красноармейскому полку, который вскоре был вынужден покинуть Мелитополь. Наш полк разгромили белые, и лишь небольшим группам бойцов удалось влиться в подразделения 44-й стрелковой дивизии Красной Армии в районе Киева. Поскольку к тому времени я уже окончил начальную школу и умел читать, меня определили в роту связи. Позднее я принимал участие в боях под Киевом. В 1921 году, когда мне исполнилось четырнадцать, сотрудники Особого отдела дивизии попали в засаду, устроенную украинскими националистами, и многие из них погибли. В то время мы сражались в основном не с белогвардейцами, а с войсками украинских националистов, предводительствуемыми Петлюрой и Коновальцем, командиром корпуса «Сечевые стрельцы». Когда началась гражданская война, украинские националисты провозгласили независимую республику и в январе 1919 официально года объявили войну России и украинскому большевистскому руководству. (В 30-х, а затем еще раз в 40-х годах я также принимал непосредственное участие в борьбе с украинскими националистами.) Борьба эта фактически завершилась лишь в январе 1992 года, после того как украинское правительство в изгнании и

весь остальной мир признали президента Кравчука законным главой суверенного государства Украина.

Симон Васильевич Петлюра (1879 – 1926) – украинский военный и политический деятель, глава Директории Украинской Народной Республики в 1919–1920 годах

В Особом отделе, понесшем тяжелые потери, срочно потребовался телефонист и шифровальщик. Так я был послан на работу в органы безопасности. Это и было началом моей службы в ВЧК-КГБ.

В дивизии, где я служил, вместе с нами сражались поляки, австрийцы, немцы, сербы и даже китайцы. Последние бы-

ли очень дисциплинированы и дрались до последней капли крови. Борьба шла жестокая, и случалось, что целые деревни оказывались уничтоженными украинскими националистами и бандформированиями: всего в ходе гражданской войны на Украине погибло свыше миллиона человек. Мое поколение вскоре привыкло к жестокостям этой войны, потерям и лишениям. Мы считали все это вполне естественным. В состоянии войны страна находилась с 1914 года, и трагедия России заключалась в том, что до самого конца гражданской войны, то есть до 1922 года, создать стабильное общество, опирающееся на нормальные, гуманные ценности, не представлялось возможным.

Жертвы петлюровского погрома 1919 года в Проскурове

Опыт, приобретенный при выполнении обязанностей телефониста, а затем шифровальщика, оказался полезным. Я печатал документы с грифом ««секретно», посылавшиеся командованию, и расшифровывал телеграммы, которые мы получали непосредственно от главы ВЧК Феликса Дзержинского из Москвы.

Павел Судоплатов среди сотрудников погранотряда ГПУ Украины (3-й справа). Крайний справа – его непосредственный начальник В. А. Погажевич. 1923 год

1921 год стал переломным в моей жизни. Дивизия была переведена в Житомир. Главной задачей нашего Особого отдела была помощь местному ЧК в проникновении в партизанское подполье украинских националистов, руководимых Петлюрой и Коновальцем. Их вооруженные банды устраивали диверсии против органов Советской власти на местах. Возглавлявшим ЧК Погажевичу и Савину удалось установить диалог с партизанскими руководителями и провести с ними неофициальные переговоры. Мое руководство встретилось с ними в Житомире на явочной квартире. Я как младший сотрудник на подхвате должен был проживать в доме, где находилась явочная квартира, и обслуживать переговоры. Опыт общения с главарями формирований украинских националистов, являвшимися, по существу, настоящими хозяевами в своей округе, помог мне в дальнейшем, когда я стал оперативным работником госбезопасности. На своей собственной шкуре испытал я, каково иметь дело с заговорами в подполье.

Братья Судоплатовы – Георгий и Павел. 1920-е гг.

Война с украинскими националистами продолжалась почти два года и закончилась компромиссом – их главари приняли амнистию, которую дало им правительство Советской Украины. Произошло это лишь после того, как кавалерийский отряд в две тысячи сабель, посланный Коновальцем в Житомир, был окружен частями Красной Армии и сдался. Банда Коновальца потерпела сокрушительное поражение. В этих боях погиб мой старший брат Николай, служивший в погранвойсках на польской границе. Я же подал рапорт о переводе в Мелитополь, чтобы быть поближе к семье и иметь возможность помогать ей.

Сотрудники окружного отдела ГПУ города Мелитополя.
В верхнем ряду – Павел Судоплатов. 1925 год

В течение последних трех лет пребывания в Мелитополе я был младшим оперативным работником в окружном отделе ГПУ и отвечал за работу осведомителей, действовавших в греческом, болгарском и немецком поселениях. В 1927 году я получил повышение и был переведен в Харьков, тогдашнюю столицу Украины, где стал работать в ГПУ УССР. Именно там, в Харькове, я встретился со своей будущей женой, Эммой Кагановой: мне было двадцать, ей на два года больше – она приехала на Украину из белорусского города Гомеля.

Эмма Каганова (сидит первая слева) вместе с матерью, братом Йосифом и сестрами

Эмма была способной, и ей удалось поступить в гимназию, где для евреев существовала ограничительная норма. Она окончила несколько классов гимназии и позднее стала работать секретарем-машинисткой у Хатаевича, секретаря гомельской губернской организации большевиков. Когда ее начальника перевели в Одессу, где он возглавил партийную организацию, она последовала за ним. Именно в Одессе Эмма и перешла в местное ГПУ. Ей поручили вести работу среди проживавших в городе немецких колонистов. Голубглазая блондинка, она говорила на близком к немецкому идише и вполне могла сойти за немку.

В Харьков ее перевели за год до того, как я туда перебрался. Эмма занимала в ГПУ УССР более весомое положение, чем такой новичок, каким я тогда был. Как образованной и привлекательной женщине, к тому же начитанной и чувствовавшей себя вполне свободно в обществе писателей и поэтов, ей доверили руководить деятельностью осведомителей в среде украинской творческой интеллигенции – писателей и театральных деятелей. Мы встретились с ней на службе, и меня поразили ее красота и ум. Отец Эммы, сплавщик леса, умер, когда ей было всего десять лет. Она начала работать и одна содержала всю семью, где было восемь детей. Так что у нас с Эммой было много общего: и я, и она являлись опорой для семьи и должны были в силу обстоятельств рано повзрослеть.

Несмотря на то, что вся наша жизнь была заполнена работой, жена побудила меня заняться изучением права в Харьковском университете. Но мне, правда, удалось побывать всего на десяти лекциях и сдать один экзамен – по экономической географии. На большее у меня просто не хватило времени. Мой рабочий день начинался в десять часов утра и заканчивался в шесть вечера с коротким перерывом на обед. После этого начинались встречи с осведомителями на явочных квартирах. Они продолжались с половины восьмого вечера до одиннадцати. Затем я возвращался на службу, чтобы доложить начальству о полученных мною оперативных материалах.

По ленинскому декрету от 1922 года ГПУ должен был стать основным источником информации для всех уровней советского руководства. Еще и сегодня руководство страны получает ежемесячные доклады о положении в государстве от органов госбезопасности по линии их агентуры. Подобного рода доклад включает изложение внутренних трудностей и недостатков в работе различных организаций, предприятий и учреждений. По заведенному при Сталине порядку встречаться со своим осведомителем в дневное время было не положено. Вот почему мы встречались по вечерам. Было известно, что Сталин засиживается допоздна, и мы работали в таком же режиме.

По иронии судьбы отделение информации нашего отдела возглавлял бывший царский офицер Козельский, происходивший из обедневшей дворянской семьи. Хотя этот человек и служил в царской армии, его симпатии к большевикам, проявившиеся в годы революции, позволили ему завоевать наше доверие. В 1937 году он покончил самоубийством, чтобы избежать ареста во время кампании чисток...

Будущие руководители советской разведки: Сергей Савченко (крайний слева) и Павел Судоплатов (крайний справа). Бердянск. 1928 год

Для меня Эмма была идеалом настоящей женщины, и в 1928 году мы поженились, хотя официально зарегистрировали наш брак лишь в 1951 году. Так жили многие из моих товарищей, годами не оформляя своего брака.

Между тем работа шла своим чередом, и я получил новое – весьма необычное, но весьма важное – задание, которое совместно контролировалось руководителями ОГПУ и партийными органами. Моя новая должность называлась комиссар спецколонии в Прилуках для беспризорных детей. После гражданской войны подобного рода колонии ставили своей целью покончить с беспризорностью детей-сирот, ко-

торых голод и невыносимые условия жизни вынуждали становиться на путь преступности. На содержание этих колоний каждый чекист должен был отчислять десять процентов своей заработной платы. При них создавались мастерские и группы профессиональной подготовки: трудовой деятельности ребят придавалось тогда решающее значение. Завоевав доверие колонистов, мне удалось организовать фабрику огнетушителей, которая вскоре начала приносить доход.

Благодаря положению моей жены в украинских партийных кругах я дважды встречался с Косиором, тогдашним секретарем ЦК Коммунистической партии Украины. Эти встречи проходили на квартире Хатаевича, куда нас приглашали в качестве гостей. Особое впечатление на меня производило то, как оба руководителя смотрели на будущее Украины. Экономические проблемы и трагедию коллективизации они рассматривали как временные трудности, которые следует преодолевать всеми возможными средствами. По их словам, необходимо было воспитать новое поколение, абсолютно преданное делу коммунизма и свободное от всяких обязательств перед старой моралью. Наибольшее внимание следовало уделять развитию и поддержке новой украинской интеллигенции, враждебно относящейся к националистическим идеям. Потребовались еще шестьдесят лет и развал Советского Союза, чтобы стало очевидным: нужно было проявить по крайней мере терпимость и постараться понять противную сторону, а не стремиться во что бы то ни стало

ее уничтожить.

Нам с женой льстило, что такие люди как Косиор и Хатаевич разговаривают с нами как со своими товарищами по партии, хотя оба мы были тогда комсомольцами. Кандидатами в члены партии мы стали позднее.

В 1933 году глава украинского ГПУ Балицкий был назначен заместителем председателя общесоюзного ОГПУ. Перезжая в Москву на новую работу, он взял с собой нескольких сотрудников, в том числе и меня. Я получил в управлении кадров центрального аппарата госбезопасности должность старшего инспектора, курировавшего перемещения по службе и новые назначения в Иностранном отделе (закордонной разведке) ОГПУ.

Всеволод Аполлонович Балицкий (1892–1937) – деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД, комиссар государственной безопасности 1 ранга (26.11.1935).

Абрам Аронович Слущкий (1898–1938) – сотрудник советской разведки, комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1935). Руководитель Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР (1935–1938)

В то время я начал часто сталкиваться по работе с Артузовым, тогдашним начальником Иностранного отдела, и его заместителем Слущким. В 1933 году Кулинич, офицер, отвечавшая за оперативное наблюдение и борьбу с украинской эмиграцией на Западе, подала рапорт об отставке по состоянию здоровья. Узнав, что я родом с Украины и имею опыт работы в местных условиях, Артузов предложил эту должность мне. К тому времени Эмма также перевелась в Москву и получила назначение в Секретно-политический отдел. С 1934 года в ее обязанности входила работа с сетью осведомителей в только что созданном Союзе писателей и в среде творческой интеллигенции.

После трагического убийства советского дипломата Майлова во Львове, совершенного террористом ОУН Лемеком в 1934 году, председатель ОГПУ Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Украинское ГПУ сообщило, что ему удалось внедрить в подпольную военную организацию украинских националистов в изгнании (ОУН) своего проверенного агента – Лебеда. Это было крупным достижением.

Слуцкий, к тому времени начальник Иностранного отдела, предложил мне стать сотрудником-нелегалом, работающим за рубежом. Сначала это показалось мне нереальным, поскольку опыта работы за границей у меня не было, и я ничего не знал об условиях жизни на Западе. К тому же мои знания немецкого, который должен был мне понадобиться в Германии и Польше, где предстояло работать, равнялись нулю.

Сергей Михайлович Шпигельглас (1897–1941) – сотрудник советской разведки, майор государственной безопасности. В 1938 году – врид (временно исполняющий должность) начальника ИНО

Павел Судоплатов с женой. 1935 год

Однако чем больше я думал об этом предложении, тем более заманчивым оно мне представлялось. И я согласил-

ся. После чего сразу приступил к интенсивному изучению немецкого языка – занятия проходили на явочной квартире пять раз в неделю. Опытные инструкторы обучали меня также приемам рукопашного боя и владению оружием. Исключительно полезными для меня были встречи с заместителем начальника Иностранного отдела ОГПУ – НКВД Шпигельгласом. У него был большой опыт работы за границей в качестве нелегала – в Китае и Западной Европе. В начале 30-х годов в Париже «крышей» ему служил рыбный магазин, специализировавшийся на продаже омаров, расположенный возле Монмартра.

После восьми месяцев обучения я был готов отправиться в свою первую зарубежную командировку в сопровождении Лебеда, «главного представителя» ОУН на Украине, а в действительности нашего тайного агента на протяжении многих лет. Лебедь с 1915 по 1918 год просидел вместе с Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыным. В гражданскую войну он стал заместителем Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной Армии на Украине. После отступления Коновальца в Польшу в 1920 году Лебедь был направлен им на Украину для организации подпольной сети ОУН. Но там его арестовали. Выбор перед ним был простой: или работать на нас, или умереть.

Лебедь стал для нас ключевой фигурой в борьбе с бандитизмом на Украине в 20-х годах. Его репутация в наци-

оналиетических кругах за рубежом оставалась по-прежнему высокой: Коновалец рассматривал своего представителя как человека, способного провести подготовительную работу для захвата власти ОУН в Киеве в случае войны. От Лебеда, которому мы разрешали выезжать на Запад в 20-х и 30-х годах по нелегальным каналам, нам и стало известно, что Коновалец лелеял планы захвата Украины в будущей войне. В Берлине Лебедь встречался с полковником Александром, предшественником адмирала Вильгельма Канариса на посту руководителя германской разведслужбы в начале 30-х годов, и узнал от него, что Коновалец дважды виделся с Гитлером, который предложил, чтобы несколько сторонников Коновальца прошли курс обучения в нацистской партийной школе в Лейпциге.

Павел Судоплатов. Фотография с загранпаспорта-при-

крытия. Финляндия. 1935 год

Я ехал за границу как «племянник» Лебеда, якобы для помощи в его работе. Моя жена была переведена в Иностранный отдел НКВД для того, чтобы через нее я мог поддерживать связь с Центром. Она должна была выступать в роли студентки из Женевы, что позволило ей время от времени встречаться с агентами в Западной Европе. С этой целью она прошла специальный курс.

Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Ленинград. Начало тридцатых годов

Лебедь не знал о том, что на нас работает еще один агент, Полуведько, главный представитель Коновальца в Финлян-

дии. Он жил по фальшивому паспорту в Хельсинки, организуя контакты между украинскими националистами в изгнании и их подпольной организацией в Ленинграде. Оуновцы прятали свои архивы в Ленинграде, в знаменитой библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Хотя мы и знали это, обнаружить архивы удалось лишь после окончания второй мировой войны, в 1949 году.

Супруги: Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина (1907–

1992) и Борис Аркадьевич Рыбкин (1899–1947). Она с 1935 по 1939 год – заместитель резидента разведки НКВД в Финляндии. Он с 1935 по 1939 год – резидент разведки НКВД в Финляндии

Я выехал в Хельсинки в сопровождении Лебеда. Лебедь передал меня на попечение Полуведько и тут же возвратился в Харьков через Москву. Полуведько, ничего не знавший о моей истинной работе, регулярно посылал обо мне отчеты в НКВД через Зою Воскресенскую-Рыбкину, отвечавшую за связь с ним. Мне надо было дать Центру знать, что со мной все в порядке, и, как условились заранее, я написал записку своей «девушке», а затем порвал ее и бросил в корзинку для бумаг. Выступив в роли моего невольного помощника, Полуведько собрал обрывки и передал их Зое. А на каком-то этапе Полуведько вообще предложил меня убрать, о чем сообщал в одном из своих донесений, но, к счастью, решение этого вопроса зависело не от него. В Финляндии (а позднее и в Германии) я жил весьма скудно: у меня не было карманных денег, и я постоянно ходил голодный. Полуведько выделял мне всего десять финских марок в день, а их едва хватало на обед – при этом одну монетку надо было оставлять на вечер для газового счетчика, иначе не работали отопление и газовая плита.

На тайных встречах между нами, расписание которых было определено перед моим отъездом из Москвы, Зоя Рыбки-

на и ее муж Борис Рыбкин, резидент в Финляндии, руководивший моей разведдеятельностью в этой стране, приносил бутерброды и шоколад. Перед уходом они просматривали содержимое моих карманов, чтобы убедиться, что я не взял с собой никакой еды: ведь это могло провалить нашу ««игру»».

После двух месяцев ожидания в Хельсинки прибыли связанные от Коновальца – Грибивский (««Канцлер»») из Праги и Андриевский из Брюсселя. Мы отправились в Стокгольм пароходом.

При посадке мне вручили фальшивый литовский паспорт. Когда прибыли в Стокгольм, всех пассажиров собрали в столовой, и официант начал раздавать прошедшие пограничный контроль паспорта. Поначалу он отказался вернуть мне мой паспорт, заявив, что фото явно не соответствует оригиналу. Действительно, паспорт был на имя Сциборского, члена Центрального руководства ОУН, украинского активиста, с его фотографией. К счастью, тут вмешался возмущенный Полуведько, пригрозивший официанту и заставивший его вернуть мне документ. После недели пребывания в Стокгольме мы отправились в Германию, где никаких неприятностей с тем же паспортом у меня уже не было. В июне 1936 года прибыли в Берлин, и там я встретился с Коновальцем, который расспрашивал меня обо всем с большим пристрастием. Наша встреча проходила на квартире, находившейся в здании музея этнографии и предоставленной ему германской разведслужбой. В сентябре меня послали на три месяца

в нацистскую школу в Лейпциге. Во время учебы я имел возможность познакомиться с оуновским руководством. Слушателей школы, естественно, интересовала моя личность. Однако никаких проблем с моей «легендой» не возникало.

Мои беседы с Коновальцем становились между тем все серьезнее. В его планы входила подготовка административных органов для ряда областей Украины, которые предполагалось освободить в ближайшем будущем, причем украинские националисты должны были выступать в союзе с немцами. Я узнал, что в их распоряжении уже имеются две бригады, в общей сложности около двух тысяч человек, которые предполагалось использовать в качестве полицейских сил в Галиции (части Западной Украины, входившей тогда в Польшу) и в Германии.

Оуновцы всячески пытались вовлечь меня в борьбу за власть, которая шла между двумя их главными группировками: «стариков» и «молодежи». Первых представляли Коновалец и его заместитель Мельник, а «молодежь» возглавляли Бандера и Костарев. Моей главной задачей было убедить их в том, что террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления. Я настаивал на том, что надо держать наши силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, а в этом случае немедленно их использовать.

Похороны Бронислава Перацкого в Варшав

Особенно тревожили террористические связи этой организации, в частности, договоренность с хорватскими националистами и участие в убийстве югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. Для меня было открытием, что все эти террористы финансируются абвером — разведывательной и контрразведывательной службой вермахта. Полной неожиданностью явилась для меня и новость, что убийство польского министра генерала Перацкого в 1934 году украинским террористом Мацейко было проведено вопреки приказу Коновальца, и стоял за этим Бандера, соперничавший с последним за власть. Бан-

дера стремился к контролю над организацией, играя на естественной неприязни украинцев к Перацкому, который нес ответственность за репрессии против украинского меньшинства в Польше. Коновалец рассказал мне, что к этому времени между Польшей и Германией был подписан договор о дружбе, так что немцев никоим образом не устраивали любые враждебные акции по отношению к полякам. Они были так взбешены, что выдали Бандеру, скрывавшегося в Германии. Убийца генерала, Мацейко, сумел скрыться.

Дело обстояло следующим образом. Мацейко планировал убить Перацкого, взорвав гранату, но она по каким-то причинам не взорвалась, и он застрелил польского министра. За ним тут же бросилась толпа людей. Мацейко сумел проскочить перед идущим трамваем, который отсек его от преследователей, забежал в подъезд первого же дома, поднялся на площадку 7-го этажа, там сбросил плащ и шляпу, выкинул револьвер и, неузнанный, спокойно вышел на улицу. Польская контрразведка установила засаду на всех явочных квартирах украинских националистов в Варшаве, но он не появился ни на одной из них. Ночь он провел со своей подружкой, тоже украинской террористкой Чемеринеккой. Именно она организовала его побег через Карпаты в Чехословакию, используя свои связи в чешской полиции.

В Чехословакии ОУН имела мощную поддержку со стороны властей. У президента Бенеша были с Коновальцем личные отношения еще со времен первой мировой войны. Од-

нако, когда ОУН «вышла из-под контроля» властей и осуществила убийство Перацкого, эти отношения ухудшились.

Несмотря на эмоциональное выступление Бандеры на суде в защиту дела украинского национализма, он и другие организаторы были приговорены к смертной казни через повешение. Однако давление Германии на польские власти в конце концов спасло им жизнь. Смертный приговор заменили тюрьмой. Немцы после захвата Польши тут же выпустили Бандеру на свободу. И между двумя группировками украинских националистов закипела кровавая междоусобная война.

В общении со своими коллегами по нацистской партийной школе я держался абсолютно уверенно и независимо: ведь я представлял головную часть их подпольной организации на Украине, в то время как они являлись всего лишь эмигрантами, существовавшими на немецкие подачки. Я имел право накладывать вето на их предложения, поскольку выполнял инструкции своего «дяди» («вуйко»). Если что-то в их высказываниях мне не нравилось, достаточно было просто сказать: «Вуйко не велел!».

Эрвин фон Лахузен (1897–1955). В 1938 году – замести-

тель начальника Его отдела абвера (разведка).

С 1939 года – начальник 2-го отдела абвера (диверсии и саботаж)

Именно таким образом я отверг предложение о моей встрече с полковником Лахузенем из штаб-квартиры абвера. Вступать в прямые контакты с германской разведкой было бы рискованно, так как немцы могли попытаться принудить меня к сотрудничеству. Снова и снова приходилось мне повторять свои возражения по поводу встречи с кем-либо из абвера.

Однажды, когда мы гуляли с Коновальцем, к нам подошел уличный фотограф и сфотографировал нас, передав пленку Коновальцу, заплатившему за это две марки. Я возмутился. Было ясно, что мое берлинское окружение хочет иметь фотографию в своем досье, чтобы потом, когда им понадобится, они могли разыскать меня. Тогда же, на улице, я выразил свой недвусмысленный протест Коновальцу. Было бы непростительной ошибкой, если такая фотография оказалась бы в руках у немцев, заявил я ему, нисколько не сомневаясь, что именно это и было его истинной целью. Коновалец попытался как-то меня успокоить. По его словам, не было ничего предосудительного в том, что какой-то уличный фотограф, зарабатывающий себе на жизнь, сфотографировал нас вдвоем, прогуливающимися по берлинской улице.

Позднее я убедился, что был прав. В годы войны СМЕРШ

захватил двух лазутчиков в Западной Украине, у одного из них была эта фотография. Когда его спросили, зачем она ему нужна, он ответил: «Я не имею понятия, кто этот человек, но мы получили приказ ликвидировать его, если обнаружим».

Павел Судоплатов в Берлине. 1935 год

Я сумел войти в доверие к Коновальцу, передав ему содержимое одного конфиденциального разговора. Как-то Костарев и еще несколько молодых украинских националистов, слушателей нацистской партийной школы, стали говорить, что Коновалец слишком стар, чтобы руководить организацией, и его следует использовать лишь в качестве декоративной фигуры. Когда они спросили мое мнение, я возмущенно ответил:

— Да кто вы такие, чтобы предлагать подобное? Наша организация не только полностью доверяет Коновальцу, но и регулярно получает от него поддержку, а о вас до моего приезда сюда мы вообще ничего не слышали.

Когда я рассказал об этом Коновальцу, лицо его побледнело. Позже Костарев был уничтожен. Не думаю, что это случайное совпадение.

В Центре было решено, что, как только я прибуду в Германию, мне следует проявлять полную самостоятельность и не поддерживать никаких контактов ни с нашей резидентурой, ни с нелегалами. Коновалец взял меня под свою опеку и частенько навещал: мы вдвоем бродили по городу. Однажды он даже повел меня на спектакль в Берлинскую оперу, но в целом развлечений в моей жизни там было не так уж много. Украинская община была очень бедной, и о том, чтобы позволить себе какую-либо роскошь, не могло быть и ре-

чи. Если вас приглашали на чай, то сахар принято было приносить с собой. Украинцы, с которыми я общался, наивно полагали, что могут помочь финансировать ОУН за счет доходов какой-нибудь гуталиновой фабрики, которой владели их родственники в Польше. Они буквально жаждали войны Германии с Польшей и СССР как освобождения из-под ига «национального угнетения».

Коновалец привязался ко мне и даже предложил, чтобы я сопровождал его в инспекционной поездке в Париж и Вену с целью проверки положения дел в украинских эмигрантских кругах, поддерживавших его. У него были деньги, полученные от немцев, и это позволяло ему играть роль лидера могущественной организации.

В Париже мы остановились в разных отелях. Во время нашего пребывания в городе проходила всеобщая забастовка, и все рестораны оказались закрытыми, так что Конавалец повез меня обедать в... Версаль. Не работало и метро, и нам пришлось взять такси, кстати, весьма дорогое. Я был под огромным впечатлением от Парижа и остаюсь его поклонником до сегодняшнего дня.

Центр был осведомлен о том, что мы с Конавальцем намеревались провести в Париже три недели, и решил воспользоваться этой возможностью, чтобы организовать мне встречу с моим курьером. Согласно инструкции из Москвы мне надлежало по возможности выйти на такую встречу в Париже и позднее в Вене. Для этого я должен был дважды в неделю

появляться между пятью и шестью вечера на углу Плас де Клиши и Бульвара де Клиши. Курьер должен был быть мне лично известен, но имя его мне не раскрывали – таковы были «правила конспирации»: им мог оказаться кто угодно. В первое же свое появление на условленном месте я увидел... собственную жену, одетую по последней моде: она сидела за столиком кафе на улице и медленно попивала черный кофе. В ту минуту я был обуреваем самыми разнородными чувствами. Усилием воли мне удалось заставить себя удостовериться, что за мной нет никакой слежки, и лишь после этого я приблизился к Эмме. Мне сразу же стало совершенно ясно: место для randevu выбрано крайне неудачно, так как сновавшая вокруг толпа не давала возможности проверить, есть ли за тобой «хвост» или нет.

Опыт моей работы в Харькове против польской агентуры научил меня, что почти во всех провалах виноват был неудачный выбор места встречи. Взяв себя в руки, я на плохом немецком попросил разрешения сесть рядом за столик. Мы оба были крайне напряжены. Эмма, когда я подсел к ней, осведомилась, все ли у меня в порядке.

– Хотя ты и потерял в весе, но выглядишь, по-моему, превосходно, – добавила она с улыбкой. – Да и выбрит на сей раз прекрасно.

Это ее замечание явно намекало на то, что дома, в России, я частенько брился через день.

Посидев немного за столиком, мы незаметно удалились:

это кафе было чересчур открыто для посторонних глаз. Идя по направлению к бульвару, мы заметили двух жандармов, явно направлявшихся в нашу сторону. Повинуясь внутреннему инстинкту, мы тотчас перешли улицу, чтобы избежать встречи с полицией. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, насколько это было глупо.

Недорогой отель, в котором остановилась Эмма (вполне подходящий для студентки, проводящей свои каникулы в Париже), находился всего в нескольких кварталах от места нашей встречи. Хотя я и был в восторге от встречи с женой, которую не видел почти год, мне было страшно подвергать ее хотя бы малейшему риску из-за свидания со мной. Мы обнялись, и я тут же сказал, чтобы она передала Центру мое требование: ни при каких обстоятельствах Эмма не должна быть моей связной. Я ведь не относился к числу тех, кто живет на Западе постоянно, так что с полной уверенностью мог утверждать: все мои контакты внимательнейшим образом изучаются и анализируются как разведкой украинских националистов, так и немцами. И если немецкая или даже французская контрразведка будет иметь основания считать, что Эмма связана со мной, то ее наверняка схватят и подвергнут допросу с пристрастием. Вот почему я велел ей немедленно возвращаться в Швейцарию, а оттуда – домой. Я должен был так поступить, чтобы избавиться от беспокойства за ее судьбу и чувствовать себя в безопасности. Эмма тут же заверила меня, что уедет в Берн незамедлительно. Я

информировал ее о положении дел в украинских эмигрантских кругах и о той значительной поддержке, которую они получали от Германии. Особенно любопытной показалась ей информация, касавшаяся раздоров внутри украинской организации: я рассказал Эмме о своей предполагавшейся поездке с Коновальцем в Вену и убедительно просил ее не появляться там в качестве курьера возле Шенбруннского дворца – места предполагавшейся встречи.

Во время нашего пребывания в Париже Коновалец пригласил меня посетить вместе с ним могилу Петлюры, после разгрома частями Красной Армии бежавшего в столицу Франции, где в 1926 году он и был убит. Коновалец боготворил этого человека, называя его «нашим знаменем и самым любимым вождем». Он говорил, что память о Петлюре должна быть сохранена. Мне было приятно, что Коновалец берет меня с собой, но одна мысль не давала покоя: на могилу во время посещения положено класть цветы. Между тем мой кошелек был пуст, а напоминать о таких мелочах Коновальцу я не считал для себя возможным. Это было бы просто бестактно по отношению к человеку, занимавшему столь высокое положение, хотя, по существу, заботиться о цветах в данном случае надлежало ему, а не мне. Что делать? Всю дорогу до кладбища меня продолжала терзать эта мысль.

Мы прошли через все кладбище и остановились перед скромным надгробием на могиле Петлюры. Коновалец перекрестился – я последовал его примеру. Некоторое время мы

стояли молча, затем я вытащил из кармана носовой платок и завернул в него горсть земли с могилы.

– Что ты делаешь?! – воскликнул Коновалец.

– Эту землю с могилы Петлюры отвезу на Украину, – ответил я, – мы в его память посадим дерево и будем за ним ухаживать.

Коновалец был в восторге. Он обнял меня, поцеловал и горячо похвалил за прекрасную идею. В результате наша дружба и его доверие ко мне еще более укрепились.

Иван Николаевич Каминский (1896–1942) – советский разведчик-нелегал. Весной 1934 года был направлен во

Францию руководителем парижской нелегальной резидентуры для работы по эмигрантским террористическим организациям на территории Франции, Бельгии, Швейцарии и частично в Польше и Германии.

Петр Яковлевич Зубов (1898–1952) – советский разведчик, резидент в Чехословакии, глава разведывательной школы НКВД, полковник

Коновалец рассказал мне, что один из его помощников,

Грибивский, подозревается в сотрудничестве с чехословацкой контрразведкой, и попросил, чтобы я встретился с ним и попытался его прощупать. После убийства в Варшаве генерала Перацкого украинскими националистами чехи оперативно, за один день, захватили все явки украинской организации в Праге и забрали многие досье, находившиеся в ведении Грибивского. Эту историю я уже знал. Мой близкий друг и коллега Каминский, бывший за два года до меня в Германии в качестве нелегала, пытался завербовать Грибивского, якобы от имени словацкой полиции, для работы осведомителем, хотя на самом деле речь шла о работе на нас. Грибивский, со своей стороны, предполагал захватить Каминского во время назначенной встречи, но тот, увидев слежку, избежал ловушки, вовремя успев вскочить в проходивший трамвай. Коновалец совершенно правильно подозревал, что Каминский является вовсе не словацким, а советским агентом, и я, зная это, решительно возражал против моей встречи с Грибивским, заявив, что его, возможно, контролируют большевики (в конце концов он мог специально сделать вид, что не сумел захватить Каминского), а поэтому контакты с ним могут засветить меня и привести к провалу моей миссии здесь.

После нашего приезда в Вену я отправился на заранее определенное место встречи, где застал моего куратора и наставника по работе в Москве Зубова. Это был опытный разведчик, и я всегда стремился получить от него как можно

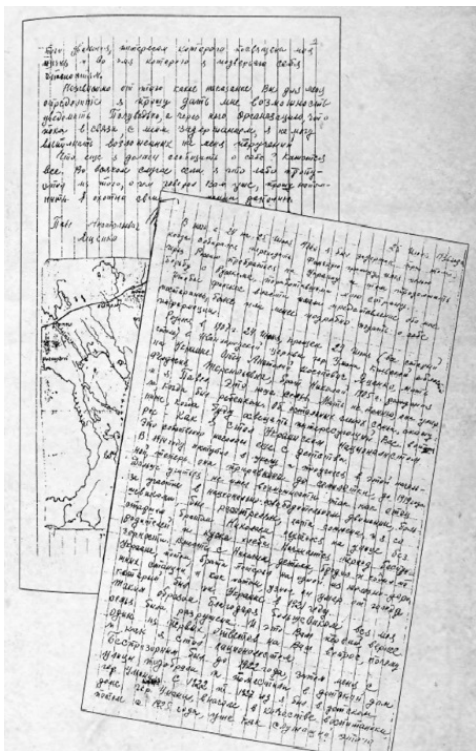
больше знаний. Я подробно информировал его о деятельности Коновальца и сообщил, что на завтра намечен наш поход в оперу. Зубову удалось купить билет на тот же спектакль — он сидел прямо за нами и мог слышать все, о чем мы разговаривали с моим спутником. Выходя из театра, я нарочно налетел на Зубова в толпе зрителей и даже извинился за то, что толкнул его. В сущности, это была глупая детская выходка.

Из Вены я возвратился в Берлин, где в течение нескольких месяцев шли бесполезные переговоры о возможном развертывании сил подполья на Украине в случае начала войны. В этот период я дважды ездил из Германии в Париж, встречаясь там с лидерами украинского правительства в изгнании. Коновалец предостерег меня в отношении этих людей: по его словам, их не следовало воспринимать серьезно, поскольку в реальной действительности все будут решать не эти господа, протиравшие штаны в парижских кафе, а его военная организация.

Тем временем мой «дядя», Лебедь, используя свои связи, прислал через Финляндию распоряжение о моем возвращении на Украину, где меня должны были оформить радиостом на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. Это давало бы мне возможность поддерживать постоянную связь между подпольем ОУН на Украине и националистическими организациями за рубежом. Коновальцу идея пришлась по душе, и он согласился с моим возвращением в Советский Союз.

С фальшивыми документами в сопровождении Сушко, заместителя Коновальца (Коновалец хотел убедиться, что я благополучно пересек границу), через Финляндию я добрался до советско-финской границы. Сушко привел меня туда, где, казалось, можно было безопасно перейти границу, проходившую здесь по болоту. Тем не менее, как только я приблизился к самой границе, меня перехватил финский пограничный патруль. Я был арестован и посажен в тюрьму в Хельсинки. Там меня допрашивали в течение месяца.

Я объяснял им, что являюсь украинским националистом и стремлюсь возвратиться в Советский Союз, выполняя приказ своей организации.

Фрагмент объяснительной записки Павла Судоплатова об обстоятельствах его задержания в Финляндии

Весь этот месяц атмосфера в Центре была весьма напряженной, поскольку Зоя Рыбкина сообщила из Хельсинки о моем возвращении. Чтобы узнать, что со мной произошло, на границу выехали Зубов и Шпигельглас. Все считали, что

скорее всего меня ликвидировал Сушко.

По истечении трех недель после моего ареста официально украинскому представителю в Хельсинки Полуведько поступил запрос от финской полиции и офицеров абвера о некоем украинце, пытавшемся пробраться в Советский Союз. Между абвером и финской разведкой существовало соглашение о контроле над советской границей – любые перебежчики проверялись ими совместно. В конце концов меня передали Полуведько, который сопровождал меня до Таллинна. Там мне выдали еще один фальшивый литовский паспорт, а в советском консульстве оформили краткосрочную туристическую визу для поездки в Ленинград. На сей раз с пересечением границы не было никаких проблем: пограничник проштемпелевал мой паспорт, а затем мне удалось улизнуть от интуристского гида, ожидавшего меня в Ленинграде. Уверен, что это вызвало настоящий переполох в отделении Интуриста, и милиция наверняка была поставлена на ноги, чтобы разыскать пропавшего в городе литовского туриста.

Яков Исаакович Серебрянский (1891–1956) – старший майор ГБ (1935), руководитель Спецгруппы особого назначения (СГОН) при НКВД СССР, сотрудник Иностранного

Успешная командировка в Западную Европу изменила мое положение в разведке. О результатах работы было доложено Сталину и Косиору, секретарю ЦК Коммунистической партии Украины, а также Петровскому, председателю Верховного Совета республики. В кабинете Слуцкого, где я докладывал в деталях о своей поездке, меня представили двум людям: один из них был Серебрянский, начальник Особой группы при наркоме внутренних дел – самостоятельного и в то время мне неизвестного Центра закордонной разведки органов безопасности, а другой, по-моему, Васильев, – сотрудник секретариата Сталина. Ни того, ни другого я прежде не знал.

Позднее меня наградили орденом Красного Знамени, который вручил мне глава государства М.И. Калинин. Вместе со мной в Кремле орден Красного Знамени получил и Зарубин, только что возвратившийся из нелегальной поездки в Западную Европу, почти в то же самое время, что и я. Мы встретились с ним тогда в первый раз. Позднее мы сблизились, и эта дружба продолжалась всю жизнь, хотя он был значительно старше меня.

Во время дружеского ужина в честь Зарубина и меня на квартире Слуцкого мне пришлось выпить – второй раз в жизни – стопку водки. Впервые это случилось в Одессе, когда мне было пятнадцать лет. Хотя я и был физически здо-

ровым человеком, врачи определили, что мне противопоказаны алкогольные напитки крепостью выше двенадцати градусов. Однако Слуцкий и Шпигельглас приказали принять «норму» за боевой орден, и на следующий день я лежал пластом. Реакция организма была ужасной: нестерпимая головная боль и рвота.

Павел Судоплатов Весна 1938 года

Василий Михайлович Зарубин (1894–1974) – легендарный советский разведчик, генерал-майор (9 июля 1945 года).

Весь 1937-й и часть 1938-го года я неоднократно выезжал на Запад в качестве курьера. Крышей для меня служила должность радиста на грузовом судне. Встретившись с Коновальцем, я ужаснулся, услышав, что ОУН передала немцам дезинформацию о том, что ряд командиров Красной Армии из числа украинцев – Федько, Дубовой и др. (позднее все они были ликвидированы Сталиным) – выражали свои симпатии делу украинских националистов. Люди Коновальца выдумывали подобные истории, чтобы произвести впечатление на немцев и получить от них как можно больше денег. Позднее мне довелось прочесть в украинской эмигрантской прессе, что такие красные командиры как Дубовой, Федько и ряд других якобы делили свою лояльность между советской властью и украинским национализмом. Коновалец решился сообщить мне об этом, поскольку знал, что как организатор украинского подполья я смогу узнать правду.

Когда в 1937 году я сообщил об этом Шпигельгласу, он высказал предположение, что контакты Дубового и других командиров с украинскими националистами и немцами не были невозможными. Думаю, что Шпигельглас просто хотел прикрыть меня на случай, если бы я передал эту неприятную для нашего руководства информацию – ведь судьба этих командиров уже была предreshена.

В ноябре 1937 года, после празднования двадцатилетия Октябрьской революции, я был вызван вместе со Слуцким к Ежову, тогдашнему наркому внутренних дел. Я встретился с ним впервые, и меня буквально поразила его неказистая внешность. Вопросы, которые он задавал, касались самых элементарных для любого разведчика вещей и звучали некомпетентно. Чувствовалось, что он не знает самих основ работы с источниками информации. Более того, похоже, что его вообще не интересовали раздоры внутри организации украинских эмигрантов. Между тем Ежов был и народным комиссаром внутренних дел, и секретарем Центрального комитета партии. Я искренне считал, что просто не в состоянии оценить те интеллектуальные качества, которые позволили этому человеку занять столь высокие посты. Хотя к этому времени я и был уже весьма опытным профессионалом в разведслужбе, но в том, что касалось карьеры в высших эшелонах власти, оставался наивным человеком: ведь те руководители, с которыми я сталкивался до сих пор, такие как Косиор и Петровский, возглавлявшие компартию Украины, были высокоинтеллектуальными людьми с широким кругозором.

Николай Иванович Ежов (1895–1940). В 1936–1938 годах – народный комиссар внутренних дел

Выслушав мое сообщение относительно предстоящих встреч с украинскими националистами, Ежов внезапно предложил, чтобы я сопровождал его в ЦК. Я был просто по-

ражен, когда наша машина въехала в Кремль, допуск в который имел весьма ограниченный круг лиц. Мое удивление еще больше возросло после того, как Ежов объявил, что нас примет лично товарищ Сталин. Это была моя первая встреча с вождем. Мне было тридцать, но я так и не научился сдерживать свои эмоции. Я был вне себя от радости и едва верил тому, что руководитель страны захотел встретиться с рядовым оперативным работником. После того как Сталин пожал мне руку, я никак не мог собраться, чтобы четко ответить на его вопросы. Улыбнувшись, Сталин заметил:

– Не волнуйтесь, молодой человек. Докладывайте основные факты. В нашем распоряжении только двадцать минут.

– Товарищ Сталин, – ответил я, – для рядового члена партии встреча с вами – величайшее событие в жизни. Я понимаю, что вызван сюда по делу. Через минуту я возьму себя в руки и смогу доложить основные факты вам и товарищу Ежову.

Сталин, кивнув, спросил меня об отношениях между политическими фигурами в украинском эмигрантском движении. Я вкратце описал бесплодные дискуссии между украинскими националистическими политиками по вопросу о том, кому из них какую предстоит сыграть роль в будущем правительстве. Реальную угрозу, однако, представлял Коновалец, поскольку он активно готовился к участию в войне против нас вместе с немцами. Слабость его позиции заключалась в постоянном давлении на него и возглавляемую им органи-

зацию со стороны польских властей, которые хотели направить украинское национальное движение в Галиции против Советской Украины.

– Ваши предложения? – спросил Сталин.

Ежов хранил молчание. Я тоже. Потом, собравшись с духом, я сказал, что сейчас не готов ответить.

– Тогда через неделю, – заметил Сталин, – представьте свои предложения.

Аудиенция окончилась. Он пожал нам руки, и мы вышли из кабинета.

Вернувшись на Лубянку, Ежов тут же дал мне указание немедленно приступить к работе вместе со Шпигельгласом над нашими предложениями. На следующий день Слуцкий, как начальник Иностранного отдела, направил подготовленную записку Ежову. Это был план интенсивного внедрения в ОУН, прежде всего на территории Германии. Для этого было, в частности, предложено послать трех сотрудников украинского НКВД в качестве слушателей в нацистскую партийную школу. Нам казалось необходимым вместе с ними послать для подстраховки одного подлинного украинского националиста, желательно при этом не слишком сообразительного. Ежов не задал ни одного вопроса и только сказал, что товарищ Сталин дал указание посоветоваться с товарищами Косиором и Петровским, у которых могут быть свои соображения. Мне надлежало немедленно выехать в Киев, переговорить с ними и на следующий день вернуться в Москву.

Наша беседа проходила в кабинете Косиора, где присутствовал и Петровский. Оба они проявили интерес к предложенной нами двойной игре. Однако больше всего их заботило предполагавшееся тогда провозглашение независимой Карпатской Украинской республики. Ровно через неделю после моего возвращения в Москву Ежов в одиннадцать вечера вновь привел меня в кабинет к Сталину. На этот раз там находился Петровский, что меня не удивило. Всего за пять минут я изложил план оперативных мероприятий против ОУН, подчеркнув, что главная цель – проникновение в абвер через украинские каналы, поскольку абвер является нашим главным противником в предстоящей войне.

Похороны участников Январского восстания. Киев, 17 февраля 1918 года

Сталин попросил Петровского высказаться. Тот торжественно объявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тягчайшие преступления против украинского пролетариата: он отдал приказ и лично руководил казнью революционных рабочих киевского «Арсенала» в январе 1918 года.

Сталин, перебив его, сказал:

– Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель – обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть. – Тут же он обратился ко мне с вопросом: – А каковы вкусы, слабости и привязанности Коновальца? Постарайтесь их использовать.

– Коновалец очень любит шоколадные конфеты, – ответил я, добавив, что, куда бы мы с ним ни ездили, он везде первым делом покупал шикарную коробку конфет.

– Обдумайте это, – предложил Сталин.

За все время беседы Ежов не проронил ни слова. Прощаясь, Сталин спросил меня, правильно ли я понимаю политическое значение поручаемого мне боевого задания.

– Да, – ответил я и заверил его, что отдам жизнь, если потребуется, для выполнения задания партии.

– Желаю успеха, – сказал Сталин, пожимая мне руку.

Мне было приказано ликвидировать Коновальца.

После моей встречи со Сталиным Слуцкий и Шпигельглас разработали несколько вариантов операции.

Первый из них предполагал, что я застрелю Коновальца в упор. Правда, его всегда сопровождал помощник Барановский, кодовая кличка которого «Пан инженер». Найти момент, когда я останусь с Коновальцем один на один, почти не представлялось возможным.

Второй вариант заключался в том, чтобы передать ему «ценный подарок» с вмонтированным взрывным устройством. Этот вариант казался наиболее приемлемым: если часовой механизм сработает, как положено, я успею уйти.

Сотрудник отдела оперативно-технических средств Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядевшее как коробка шоколадных конфет, расписанная в традиционном украинском стиле. Вся проблема заключалась в том, что мне предстояло незаметно нажать на переключатель, чтобы запустить часовой механизм. Мне этот вариант не слишком нравился, так как яркая коробка сразу привлекла бы внимание Коновальца. Кроме того, он мог передать эту коробку постоянно сопровождавшему его Барановскому.

Эрнст Волльвебер (1898–1967) – в 1934–1941 годах руководитель законспирированной организации, известной как «союз моряков», «союз Волльвебера», «лига Волльвебера», занимавшийся сбором развединформации и саботажем против германских кораблей в районе Балтийского моря

Используя свое прикрытие – я был зачислен радистом на грузовое судно «Шилка», – я встречался с Коновальцем в Антверпене, Роттердаме и Гавре, куда он приезжал по фальшивому литовскому паспорту на имя господина Новака. Литовские власти в 30-е годы регулярно снабжали функционеров ОУН фальшивыми загранпаспортами.

Игра, продолжавшаяся более двух лет, вот-вот должна была завершиться. Шла весна 1938 года, и война казалась неизбежной. Мы знали: во время войны Коновалец возглавит ОУН и будет на стороне Германии.

По пути, отправляясь на встречу с Коновальцем, я проверил работу сети наших нелегалов в Норвегии, в задачу которых входила подготовка диверсий на морских судах Германии и Японии, базировавшихся в Европе и используемых для поставок оружия и сырья режиму Франко в Испании. Возглавлял эту сеть Эрнст Волльвебер, известный мне в то время под кодовым именем «Антон».

Под его началом находилась, в частности, группа поляков, которые обладали опытом работы на шахтах со взрывчаткой. Эти люди ранее эмигрировали во Францию и Бельгию из-за

безработицы в Польше, где мы и привлекли их к сотрудничеству для участия в диверсиях на случай войны. Мне было приказано провести проверку польских подрывников.

Волльебер почти не говорил по-польски, однако мой западно-украинский диалект был вполне достаточен для общения с нашими людьми. С группой из пяти польских агентов мы встретились в норвежском порту Берген. Я заслушал отчет об операции на польском грузовом судне «Стефан Баторий», следовавшем в Испанию с партией стратегических материалов для Франко. До места своего назначения оно так и не дошло, затонув в Северном море после возникшего в его трюме пожара в результате взрыва подложенной нашими людьми бомбы.

Волльебер произвел на меня сильное впечатление. Немецкий коммунист, он служил в Германии на флоте, возглавлял восстание моряков против кайзера в 1918 году. Военный трибунал приговорил его к смертной казни, но ему удалось бежать сначала в Голландию, а затем в Скандинавию. Позднее он был арестован шведскими властями, и гестапо тотчас потребовало его выдачи. Однако он получил советское гражданство, так что его высылка из Швеции в оккупированную немцами Норвегию не состоялась. Уже после Пакта Молотова – Риббентропа, в 1939 году, он приезжал в Москву и получил приказание продолжать подготовку диверсий в неизбежной войне с Гитлером. Организация Волльебера сыграла важную роль в норвежском Сопротивлении.

Волльвебер и его люди, вернувшиеся в Москву в 1941–1944 годах, помогали нам в вербовке после начала войны немецких военнопленных для операций нашей разведки.

После окончания войны Волльвебер некоторое время возглавлял министерство госбезопасности ГДР. В 1958 году в связи с конфликтом, который возник у него с Хрущевым, Ульбрихт сместил Волльвебера с занимаемого поста. А произошло следующее. Волльвебер рассказал Серову, тогдашнему председателю КГБ, о разногласиях среди руководства ГДР, считая их проявлением прозападных настроений, противоречивших линии международного коммунистического движения. Серов сообщил об этом разговоре Хрущеву. А тот на обеде, сопровождавшемся обильной выпивкой, сказал Ульбрихту:

– Почему вы держите министра госбезопасности, который сообщает нам об идеологических разногласиях внутри вашей партии? Это же продолжение традиции Берии и Меркулова, с которыми Волльвебер встречался в сороковых годах, когда приезжал в Москву.

Ульбрихт понял, что следует делать, и немедленно уволил Волльвебера за «антипартийное поведение». Он умер, будучи в опале, в 60-е годы.

В конце концов взрывное устройство в виде коробки конфет было изготовлено, причем часовой механизм не надо было приводить в действие особым переключателем. Взрыв должен был произойти ровно через полчаса после изменения

положения коробки из вертикального в горизонтальное. Мне надлежало держать коробку в первом положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что я передам этот «подарок» Коновальцу и покину помещение до того, как мина сработает.

Шпигельглас сопровождал меня в кабинет Ежова, который лично захотел принять меня перед отъездом. Когда мы вышли от него, Шпигельглас сказал:

– Тебе надлежит в случае провала операции и угрозы захвата противником действовать как настоящему мужчине, чтобы ни при каких условиях не попасть в руки полиции.

Фактически это был приказ умереть. Имелось в виду, что я должен буду воспользоваться пистолетом «Вальтер», который он мне дал.

Александр Михайлович Орлов (1895–1973) – советский разведчик, майор госбезопасности (1935).

Нелегальный резидент во Франции, Австрии, Италии (1933–1937), резидент НКВД и советник республиканского правительства по безопасности в Испании (1937–1938). С июля 1938 года – невозвращенец, жил в США

Шпигельглас провел со мной более восьми часов, обсуждая различные варианты моего ухода с места акции. Он снабдил меня сезонным железнодорожным билетом, действительным на два месяца на всей территории Западной Европы, а также вручил фальшивый чехословацкий паспорт и три тысячи американских долларов, что по тем временам было большими деньгами. По его совету я должен был обязательно изменить свою внешность после «ухода»: купить шляпу, плащ в ближайшем магазине.

Перед отплытием из Мурманска я прочел в «Правде», что Слуцкий скоропостижно скончался от сердечного приступа. Это была для меня большая потеря. Я глубоко уважал его как опытного руководителя разведки. В чисто человеческом плане он неизменно проявлял внимание ко мне и к Эмме. Этот человек имел большие заслуги. Именно ему в свое время удалось похитить в Швеции технический секрет производства шарикоподшипников. Для нашей промышленности это имело важнейшее значение. Слуцкого наградили и орденом Красного Знамени. Вместе с Никольским (позднее из-

вестным как Орлов), начальником отделения экономической разведки, в 1930-м или 1931 году они встречались со шведским спичечным королем Иваром Крюгером. Шантажируя его тем, что мы наводним западные рынки нашими дешевыми спичками, они потребовали для советского правительства отступную сумму в триста тысяч американских долларов. Прием сработал, деньги были получены.

Я самым внимательным образом изучил все возможные маршруты побега в тех городах, где могла произойти наша встреча с Коновальцем. Для каждого из них у меня имелся детально разработанный план. Однако перед последней поездкой на встречу с Коновальцем возникли неожиданные проблемы. В ответ на мой звонок из Норвегии он вдруг предложил, чтобы мы встретились в Киле (Германия), или я прилетел бы к нему в Италию на немецком самолете, который он за мной пришлет. Я ответил, что не располагаю временем: хотя капитан судна и являлся членом украинской организации, но мне нельзя на сей раз отлучаться во время стоянок больше чем на пять часов. Тогда мы договорились, что встретимся в Роттердаме, в ресторане «Атланта», находившемся неподалеку от центрального почтамта, всего в десяти минутах ходьбы от железнодорожного вокзала. Прежде чем сойти на берег в Роттердаме, я сказал капитану, который получил инструкции выполнять все мои распоряжения, что если не вернусь на судно к четырем часам дня, ему надлежит отплыть без меня. Тимашков, изготовитель взрывно-

го устройства, сопровождал меня в этой поездке и за десять минут до моего ухода с судна зарядил его. Сам он остался на борту судна. (Позже Тимашков стал начальником отдела оперативной техники, именно он сконструировал магнитные мины: одной из них был убит немецкий гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе. Это произошло в 1943 году, а после окончания второй мировой войны он служил советником у греческих партизан во время гражданской войны.)

Остатки «адской машины», с помощью которой убили Евгения Коновальца

Посмертный портрет Евгения Коновальда. Автор К. Зибергер

23 мая 1938 года после прошедшего дождя погода была теплой и солнечной. Время без десяти двенадцать. Прогуливаясь по переулку возле ресторана «Атланта», я увидел сидящего за столиком у окна Коновальца, ожидавшего моего прихода. На сей раз он был один. Я вошел в ресторан, подсел к нему, и после непродолжительного разговора мы условились снова встретиться в центре Роттердама в 17.00. Я вручил ему подарок, коробку шоколадных конфет, и сказал, что мне сейчас надо возвращаться на судно.

[illegible]

Публикация в немецкой газете посвященная гибели Коновальца

Траурная процессия украинцев по причине гибели Евге-

ния Коновальца. Содбур (Канада), 29 мая 1938 года

НАШОМУ ТАТОРКОВІ

ОЛІГ І ЮРА

ЕВГЕН
НОВОВАЛЕЦЬ

14.6.1931
1.12.1979

Временный памятник на могиле Евгения Коновальца на кладбище Кросвейк. Роттердам

Уходя, я положил коробку на столик рядом с ним. Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать.

Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины.

Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли. Границу я пересек на такси – пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже в Париже. Все прошло без сучка и задоринки. В Париже меня, помню, обманули в пункте обмена

валюты на вокзале, когда я разменивал сто долларов. Я решил, что мне не следует останавливаться в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штемпели в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию. Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии.

Ночь я провел, гуляя по бульварам, окружавшим центр Парижа. Чтобы убить время, пошел в кино. Рано утром, после многочасовых хождений, зашел в парикмахерскую побриться и помыть голову. Затем поспешил к условленному месту встречи, чтобы быть на станции метро к десяти утра. Когда я вышел на платформу, то сразу же увидел сотрудника нашей разведки Агаянца, работавшего третьим секретарем советского посольства в Париже. Он уже уходил, но, заметив меня, тут же вернулся и сделал знак следовать за ним. Мы взяли такси до Булонского леса, где позавтракали, и я передал ему свой пистолет и маленькую записку, содержание которой надо было отправить в Москву шифром. В записке говорилось: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам». Агаянц, не имевший никакого представления о моем задании, проводил меня на явочную квартиру в пригороде Парижа, где я оставался в течение двух недель.

Иван Иванович Агаянц (1911–1968) – сотрудник резидентуры советской разведки в Париже

В газетах не было ни строчки об инциденте в Роттердаме. Однако эмигрантские русские газеты всю писали о будущей судьбе Ежова: по их мнению, он обречен как очередная жертва кампании чисток. Читая это, я не мог не смеяться про себя: «До чего же глупы все эти статьи. Ведь всего два месяца назад этот человек желал мне успеха в выполнении задания, и к тому же я сам видел, что товарищ Сталин полностью ему доверяет».

Из Парижа я по подложным польским документам отправился машиной и поездом в Барселону. Местные газеты сообщали о странном происшествии в Роттердаме, где украинский националистический лидер Коновалец, путешествовавший по фальшивому паспорту, погиб при взрыве на улице. В газетных сообщениях выдвигались три версии: либо его убили большевики, либо соперничающая группировка украинцев, либо, наконец, его убрали поляки – в отместку за гибель генерала Перацкого.

Судьбе было угодно, чтобы Барановский, прибывший через час после взрыва в Роттердам из Германии на встречу с Коновальцем, был арестован голландской полицией, которая подозревала его в совершении этой акции, но когда его доставили в госпиталь и показали тело убитого, он воскликнул: «Мой фюрер!» – и этого, вкуче с железнодорожным би-

летом, оказалось достаточно, чтобы убедить полицию в его полной невинности.

На следующий день после взрыва голландская полиция в сопровождении Барановского произвела проверку экипажей всех советских судов, находившихся в роттердамском порту. Они искали человека, запечатленного на фото, которое было в их распоряжении. Это была та самая фотография, сделанная уличным фотографом в Берлине. Барановскому было известно, что Коновалец собирался встретиться с курьером-ради-стом с советского судна, появившимся в Западной Европе. Однако он вовсе не был уверен, что это именно я. Голландская полиция знала о телефонном звонке Коновальцу из Норвегии и, естественно, подозревала, что звонил его агент. Правда, никто не знал наверняка, с кем именно Коновалец встречался в тот роковой день. Когда произошел взрыв на улице, рядом с ним никого не было. Его личность оставалась не выясненной полицией до позднего вечера, тогда как мое судно «Шилка» давно уже покинуло роттердамскую гавань.

В Испании я оставался в течение трех недель как польский доброволец в составе руководимой НКВД интернациональной партизанской части при республиканской армии.

Глава 2

События в Испании

Во время пребывания в Барселоне я впервые встретился с Рамоном Меркадером дель Рио, молоденьким лейтенантом, только что возвратившимся после выполнения партизанского задания в тылу франкистов. Обаятельный молодой человек – в ту пору ему исполнилось всего двадцать лет. Его старший брат, как мне рассказали, геройски погиб в бою: обвязав себя гранатами, он бросился под немецкий танк, прорвавшийся к позициям республиканцев. Их мать Каридад также пользовалась большим уважением в партизанском подполье республиканцев, показывая чудеса храбрости в боевых операциях. Тогда я и не подозревал, какое будущее уготовано Меркадеру: ведь ему было суждено ликвидировать Троцкого, причем операцией этой должен был руководить именно я.

Рамон Меркадер (1913–1978) в юности

В течение 1936–1939 годов в Испании шли, в сущности, не одна, а две войны, обе не на жизнь, а на смерть. В одной войне схлестнулись националистические силы, руково-

димые Франко, которому помогал Гитлер, и силы испанских республиканцев, помощь которым оказывал Советский Союз. Вторая, совершенно отдельная война шла внутри республиканского лагеря. С одной стороны, Сталин в Советском Союзе, а с другой – Троцкий, находившийся в изгнании: оба хотели предстать перед миром в качестве спасителей и гарантов дела республиканцев, чтобы тем самым стать в авангарде мирового коммунистического движения. В Испанию мы направляли как своих молодых, неопытных оперативников, так и опытных инструкторов-про-фессионалов. Эта страна сделалась своего рода полигоном, где опробовались и отрабатывались наши будущие военные и разведывательные операции. Многие из последующих ходов советской разведки опирались на установленные в Испании контакты и на те выводы, которые мы сумели сделать из своего испанского опыта. Да, республиканцы в Испании потерпели поражение, но люди, работавшие на Советский Союз, стали нашими постоянными союзниками в борьбе с фашизмом. Когда гражданская война в этой стране завершилась, стало ясно: в мире не остается больше места для Троцкого.

Наум Исаакович Эйтингон (1899–1981) – советский разведчик, генерал-майор государственной безопасности. Один

из разработчиков операции по ликвидации Льва Троцкого.
1940 год

В Испании же произошла и моя новая встреча с Эйтингоном, одним из видных руководителей советской разведки в 20-50-е годы. С ним я познакомился еще пять лет назад, когда он возглавлял 1-е отделение (нелегальная разведка) Иностранного отдела. В Испании Эйтингон, майор госбезопасности, отвечал за ведение партизанских операций в тылу франкистов и внедрение агентуры в верхушку фашистского движения. Его псевдоним в Испании был «Генерал Котов», а в Центре он проходил под именами «Том» и «Пьер». Именно Эйтингон, выполняя инструкции Центра, организовал в 1938 году мое возвращение в Москву. Он сопровождал меня до Гавра и посадил на борт советского судна. До сих пор помню, как он выглядел: посмотришь на него и подумаешь, что это обычный французский уличный торговец – без галстука, в неизменном кепи, которое он носил даже в жару.

Наум Исаакович Эйтингон родился 6 декабря 1899 года в Белоруссии, в городе Шклов, неподалеку от Гомеля, откуда была родом моя жена. На Лубянке и среди друзей его звали Леонид Александрович, так как в 20-х годах еврей-чекисты брали себе русские имена, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей национальности как осведомителей и информаторов из кругов дворянства и бывшего офицерства, так и коллег, с которыми они работали.

Семья Эйтингонов принадлежала к самым бедным слоям общества, однако в Европе у них были весьма состоятельные родственники.

Эйтингон вступил в ряды партии эсеров в 1917 году. Годом позже в возрасте девятнадцати лет он пошел в Красную Армию и вскоре был направлен на работу в ЧК. В 1919 году его назначили заместителем председателя ЧК Гомельской области. Он вышел из партии эсеров и присоединился к большевикам в 1920 году. Карьера Эйтингона началась тогда, когда он принял активное участие в подавлении восстания белогвардейских офицеров в Гомеле, во время которого им удалось ненадолго захватить город.

Дзержинский заметил молодого чекиста и послал его руководить ЧК в Башкирии для подавления бандитизма. Там в бою с местными бандитами он был ранен в ногу и частенько жаловался мне впоследствии на боли в ноге. В 1921 году его направили в Москву в военную академию, где он учился вместе с будущими военными военачальниками. Помню, он показывал мне фотографии, запечатлевшие его с Чуйковым, впоследствии маршалом, защитником Сталинграда.

По завершении учебы в военной академии Эйтингона направили на работу в Иностранный отдел ОГПУ. Европейская родня отказалась выполнить его просьбу прислать необходимые рекомендации, бумаги и деньги для поездки в Западную Европу. А это могло быть его легальным прикрытием для оперативной работы. В результате Эйтингона по-

слали в Китай в качестве резидента ОГПУ: сначала в Шанхай (там он работал совместно с сетью Разведупра Красной Армии, включавшей также как одного из агентов Рихарда Зорге), а затем в Пекин и Харбин. Эйтингону удалось добиться освобождения группы советских военных советников, захваченных китайскими националистами в Маньчжурии. Столь же успешно провел он и другую операцию, сорвав попытку агентов Чан Кайши захватить советское консульство в Шанхае. После этого его отозвали в Москву. На короткое время в 1930 году Эйтингон становится заместителем Серебрянского, начальника Особой группы при председателе ОГПУ. Этот самостоятельный и независимый от Иностранного отдела разведывательный Центр был создан Менжинским, преемником Дзержинского, в 1926 году как параллельная разведывательная служба для глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического характера и подготовки диверсионных операций в Западной Европе и Японии в случае войны. С этой целью Эйтингон ездил из Китая в США (Калифорнию) для организации там агентурной сети. В 1932 году Эйтингона перевели в Иностранный отдел, руководимый Артузовым, а позднее Слуцким, в качестве начальника отделения, координировавшего работу нелегальных резидентур. Наряду с этим он отвечал также за изготовление поддельных паспортов для тайных операций за рубежом.

Когда мы впервые встретились с ним в Москве в 1933 го-

ду, я был новым инспектором в отделе кадров. В ту пору мы не были особенно близки, поскольку он занимал более высокое положение, чем я. В его лице я видел опытного руководителя разведки, уважаемого за успехи в работе и профессиональное мастерство, поэтому ему была поручена работа с нелегалами – святая святых в нашем деле. В те годы этой работе придавалось важнейшее значение, поскольку резидентур под дипломатическим прикрытием было у нас относительно немного. Мы стремились к тому, чтобы наши агенты в случае провала не могли навести западные спецслужбы на советские полпредства за рубежом.

Красивое лицо Эйтингона и его живые карие глаза так и светились умом. Взгляд пронзительный, волосы, густые и черные как смоль, шрам на подбородке, оставшийся после автомобильной аварии (большинство людей принимало его за след боевого ранения), – все это придавало ему вид бывалого человека. Он буквально очаровывал людей, наизусть цитируя стихи Пушкина, но главным его оружием были ирония и юмор. Пил он мало – рюмки коньяка хватало ему на целый вечер. Я сразу же обратил внимание на то, что этот человек нисколько не похож на высокопоставленного спесивого бюрократа. Полное отсутствие интереса к деньгам и комфорту в быту у Эйтингона было просто поразительным. У него никогда не было никаких сбережений, и даже скромная обстановка в квартире была казенной.

Помню, я как-то раз принес ему личное дело молодого че-

киста, служившего возле польской границы, с просьбой по возможности перевести его на работу в качестве одного из сотрудников отделения, которым Эйтингон руководил. В деле находилась записка заместителя начальника отдела украинского ГПУ, рекомендовавшего его для службы в Польше недалеко от того места, где тот жил и работал. Эйтингону не хотелось посылать этого молодого человека в Польшу, рядом с границей, где того могли узнать. И он прокомментировал это так: «Если этого парня, не имеющего никакого опыта, поймают при обычной проверке, то чья голова тогда полетит? Если я стану слушать подобные рекомендации, надо будет завести специальную корзину для собирания голов».

Я решил, что вопрос закрыт и ему не хочется, чтобы его беспокоили по поводу устройства этого человека. Но неожиданно Эйтингон сам позвонил Минскеру, возглавлявшему отделение по Дальнему Востоку, и предложил ему взять на работу этого сотрудника.

Следующая наша встреча, оперативная, была уже в Испании, откуда он нелегально переправлял меня во Францию в 1938 году после ликвидации Коновальца. Эйтингона послали в Испанию двумя годами раньше в качестве заместителя резидента, отвечавшего за партизанские операции, включая диверсии на железных дорогах и аэродромах. После того как Никольский, наш резидент в Испании (под именем Александр Орлов), в июле 1938 года исчез, Эйтингон стал резидентом. Я не мог не оценить искусства, с которым он

адаптировался к местным условиям.

После того как в 1939 году в гражданской войне в Испании победил Франко, Эйтингон перебрался во Францию, где несколько месяцев реорганизовывал и восстанавливал все то, что осталось от его агентурной сети, и поддерживал связь с Гаем Берджесом – одним из членов кембриджской группы, проходившим под кодовым именем «Девушка». Затем Берджес был передан на связь Горскому – резиденту НКВД в Англии. Примерно в то же время Эйтингону удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой племянника главы испанской фашистской партии Примо де Ривейры, друга Гитлера. До 1942 года он был важным источником информации о планах

Франко и Гитлера. В 1938 году Центр был буквально взбешен бегством нашего резидента в Испании Орлова. Вскоре мы узнали, что он сбежал, боясь ареста. Однако Эйтингон предложил, несмотря на измену Орлова, продолжать контакты с членами кембриджской группы, поскольку Орлов, проживая в Соединенных Штатах, не мог выдать своих связей с этими людьми без риска подвергнуть себя судебному преследованию. В 1934–1935 годах Орлов жил в Англии по фальшивому американскому паспорту, поэтому если бы американская контрразведка проверила кембриджскую группу, то Орлов мог не получить американское гражданство и был бы депортирован из США. Более того, всплыли бы нежелательные для него факты: террористические операции под его ру-

ководством и с его участием против троцкистов и агентов НКВД, подозреваемых в двойной игре в Испании.

Павел Судоплатов с супругой

В 1941 году Эйтингон был направлен в Турцию и пробыл там почти весь 1942 год под именем Леонида Наумова. Там он готовил покушение на Франца фон Папена, тогдашнего германского посла в Турции. По слухам, фон Папен должен был возглавить правительство Германии в случае отстранения Гитлера от власти генералами вермахта. Это открывало путь к сепаратному миру между Германией, Англией и США. Попытка покушения оказалась неудачной – наш агент-болгарин нервничал, и бомба взорвалась раньше времени у него в руках. В результате сам он погиб, а фон Папен отделался лишь легкими царапинами.

В последующие годы моя жена и Эйтингон, как выяснилось, оказались настроенными куда более реалистично в оценке наших порядков, чем я. Я помню, Леонид часто говорил, к примеру, что партия больше не является отрядом единомышленников, преданных социалистическим идеям и принципам справедливости, а стала всего лишь машиной для управления страной. Сначала его шутки в адрес руководства страны расстраивали меня, но затем я привык к ним и стал понимать, насколько он прав, полагая, что наши лидеры ставили свои собственные корыстные интересы выше интересов народа и советского государства. Жена, однако, всегда одергивала Эйтингона, едва он начинал жаловаться на раздутые привилегии кремлевского руководства. «С одной стороны, – говорила она, – я согласна с тобой. Слишком

много людей пользуются ими, и в большинстве ни за что, и уж конечно, не за свой тяжелый труд. Не забывай, однако, что и ты, и твоя семья получали льготы и так же, как и мы, не думали отказываться от них».

В последние годы своей жизни Эйтингон был женат на Пузыревой, единственной женщине – сотруднице КГБ, награжденной британским орденом.

Эйтингон вторично был арестован вместе со мной на волне, последовавшей за отстранением Берии от власти в 1953 году, и освобожден только в 1964-м. Эйтингон скончался в 1981 году, не будучи реабилитированным – официально он считался просто выпущенным на свободу преступником. Лишь в апреле 1992 года семья получила свидетельство о его посмертной реабилитации.

Леонид был по-настоящему одаренной личностью и, не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал бы научную карьеру. До сих пор в памяти живет шутка: «При нашей системе есть лишь одна, впрочем, тоже не гарантированная, возможность не закончить свои дни в тюрьме. Надо не быть евреем или генералом госбезопасности».

В 1992 году дочь Эйтингона Светлана позвонила мне по телефону и попросила принять свою дальнюю родственницу из Англии, которая приехала в Москву собирать материалы для книги об Эйтингонах. Во время нашей встречи в мае 1992 года я узнал от нее, что ветви «клана» Эйтингонов

можно найти в Белоруссии, Москве, Нью-Йорке и Лейпциге. Однако родственники, которые переехали из Европы в Америку и пользовались особыми льготами по торговле меховыми изделиями из Советского Союза, не играли никакой роли в профессиональной карьере Эйтингона, и он не поддерживал контактов с ними даже после освобождения из Владимирской тюрьмы.

Сообщения, появившиеся ранее на Западе, в которых Эйтингону приписывалась важная роль в проведении операции похищения в 1937 году в Париже генерала Миллера, руководителя РОВСа (Российский Общевоинский Союз), не соответствуют действительности. Похищен он был при участии эмигрировавшего в Париж генерала Скоблина (кодовая кличка «Фермер»), действовавшего под непосредственным руководством Шпигельгласа. Скоблину удалось заманить Миллера на явочную квартиру НКВД, где якобы должна была состояться его встреча с офицерами германской разведки. Там он и был задержан. В связи с исчезновением Миллера французские власти заявили решительный протест советскому послу во Франции, настаивая на том, что тот был на самом деле похищен и доставлен на борт советского судна. Они даже угрожали послать свой эсминец для перехвата в море советского судна. Наш посол Суриц категорически отверг все обвинения, предупредив французов, что они понесут ответственность, если мирное советское судно будет остановлено и обыскано ими в международных водах. В лю-

бом случае, по словам посла, генерала Миллера там все равно не найдут. В результате советское судно не было задержано и благополучно проделало свой путь от Гавра до Ленинграда. Миллер был доставлен в Москву, где его допрашивали, он отказался подписать обращение к белой эмиграции о прекращении борьбы с советской властью, был судим и расстрелян в 1939 году на Лубянке. Его похищение наделало в то время много шума. То, что генерала удалось обезвредить, привело к развалу всей организации бывших царских офицеров, сорвав планы их сотрудничества с немцами в войне против нас.

Николай Владимирович Скоблин (1893–1937) – штабс-капитан царской армии, деятель белого движения и агент НКВД

Скоблин бежал из Парижа в Испанию на самолете, заказанном для него Орловым (когда Орлов в 1938 году бежал, он сохранил золотое кольцо Скоблина в качестве доказательства своей причастности к этому делу). Сам Скоблин погиб во время воздушного налета на Барселону в период гражданской войны в Испании. Его женой была известная русская певица Надежда Плевицкая, поддерживавшая связь с НКВД. Она не подозревала, что Шпигельглас руководил операцией по захвату Миллера, и считала его другом своего мужа. Она только знала, что Шпигельглас («Дуглас») был связан с советскими представителями и поддерживал их материально. Ее арестовали во Франции за соучастие в похищении Миллера и приговорили к двадцати годам каторжных работ. Она умерла в тюрьме в 1944 году. Если бы Скоблин проводил эту операцию, как пишут некоторые «знатоки» истории нашей разведки, с ведома немцев, то Плевицкая была бы освобождена ими, или, во всяком случае, немцы обязательно попытались бы ее использовать, чтобы выйти на связи нашей разведки во Франции.

Но возвратимся к событиям 1938 года. Получив мое послание из Парижа об успешном проведении операции по ликвидации Коновальца, Шпигельглас вызвал к себе мою жену и сказал: «Андрей (моя кодовая кличка) находится в безопасности. Он видел, как люди бросились к месту происшествия, и ему стало все ясно. Ведь в Западной Европе никто не побежит ради того, чтобы посмотреть на лопнувшую

поблизости автомобильную шину».

Надежда Васильевна Плевицкая (1884–1940) – русская певица (меццо-сопрано), исполнительница русских народных песен и романсов. По преданию, император Николай Второй называл её «курским соловьём»

В июле 1938 года судно, на котором я находился, пришвартовалось в ленинградском порту. Я тут же выехал ночным поездом в Москву. На вокзале меня встречали Пассов, только что назначенный вместо Слуцкого, Шпигельглас и

моя жена. Меня поздравляли и обнимали. Надо ли говорить, как я был счастлив возвратиться в Москву к прежней жизни. Я считал ликвидацию Коновальца оправданной со всех точек зрения и гордился тем, что при взрыве не пострадали невинные люди. Ни у абвера, ни у организации украинских националистов не было улик, чтобы раскрыть истинные причины гибели Коновальца. Конечно, они могли подозревать курьера или связника, прибывшего на встречу в Роттердам, но в их руках не было никаких доказательств.

Было еще важное обстоятельство, убеждавшее меня, что дело выполнено правильно. Те националистические лидеры, с которыми я сталкивался в Берлине и Варшаве, принадлежали к так называемым «прозападным» украинцам, они уже плохо владели родным языком, мешая украинские слова с немецкими, и мне часто приходилось поправлять их. Эти люди, как я искренне считал, были обречены самой историей. Полностью отрезанные от реальной жизни на Украине, они не понимали сущности и силы советской системы. Не знали они и о подъеме украинской литературы и искусства. Образование свое они получили в основном в Вене или Праге. Украинская культура и язык в польской Галиции в то время безжалостно подавлялись местными властями. Регулярно следя за периодикой, они, тем не менее, не могли объяснить разницы между колхозами и совхозами или понять взаимоотношения различных государственных и общественных организаций, отвечавших за социальную политику на Украи-

не. Они утверждали, что их взгляды имеют поддержку среди сельского населения и потребкооперации, не зная, что в действительности потребкооперация на селе уже давно стала неотъемлемым атрибутом колхозного строя.

На следующий день рано утром я был вызван к Берии, новому начальнику Главного управления государственной безопасности НКВД, первому заместителю Ежова. До этого о Берии я знал только, что он возглавлял ГПУ Грузии в 20-х годах, а затем стал секретарем ЦК Коммунистической партии Грузии. Пассов, сменивший Слуцкого на посту начальника Иностранного отдела, отвел меня в кабинет Берии рядом с приемной Ежова. Моя первая встреча с Берией продолжалась, кажется, около четырех часов. Все это время Пассов хранил молчание. Берия задавал мне вопрос за вопросом, желая знать обо всех деталях операции против Коновальца и об ОУН с начала ее деятельности.

Лаврентий Павлович Берия (1899–1953) – в 1938–1945 годах – нарком внутренних дел СССР

Спустя час Берия распорядился, чтобы Пассов принес папку с литерным делом «Ставка», где были зафиксированы все детали этой операции. Из вопросов Берии мне стало ясно, что это высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек. Позднее я понял: Берия задавал свои вопросы для того, чтобы лучше понять, каким образом я смог вписаться в западную жизнь.

Особенное впечатление на Берию произвела весьма простая на первый взгляд процедура приобретения железнодорожных сезонных билетов, позволивших мне беспрепятственно путешествовать по всей Западной Европе. Помню, как он интересовался техникой продажи железнодорожных билетов для пассажиров на внутренних линиях и на зарубежных маршрутах. В Голландии, Бельгии и Франции пассажиры, ехавшие в другие страны, подходили к кассиру по одному – и только после звонка дежурного. Мы предположили, что это делалось с определенной целью, а именно: позволить кассиру лучше запомнить тех, кто приобретал билеты. Далее Берия поинтересовался, обратил ли я внимание на количество выходов, включая и запасной, на явочной квартире, которая находилась в пригороде Парижа. Его немало удивило, что я этого не сделал, поскольку слишком устал. Из этого я заключил, что Берия обладал опытом работы в подполье,

приобретенным в закавказском ЧК.

Одет он был, помнится, в весьма скромный костюм. Мне показалось странным, что он без галстука, а рукава рубашки, кстати, довольно хорошего качества, закатаны. Это обстоятельство заставило меня почувствовать некоторую неловкость, так как на мне был прекрасно сшитый костюм: во время своего краткого пребывания в Париже я заказал три модных костюма, пальто, а также несколько рубашек и галстуков. Портной снял мерку, а за вещами зашел Агаянц и отослал их в Москву дипломатической почтой.

Берия проявил большой интерес к диверсионному партизанскому отряду, базировавшемуся в Барселоне. Он лично знал Василевского, одного из партизанских командиров – в свое время тот служил под его началом в контрразведке грузинского ГПУ. Берия хорошо говорил по-русски с небольшим грузинским акцентом и по отношению ко мне вел себя предельно вежливо. Однако ему не удалось остаться невозмутимым на протяжении всей нашей беседы. Так, Берия пришел в сильное возбуждение, когда я рассказывал, какие приводил аргументы Коновальцу, чтобы отговорить его от проведения ОУН террористических актов против представителей советской власти на Украине. Я возражал ему, ссылаясь на то, что это может привести к гибели все украинское националистическое подполье, поскольку НКВД быстро нападет на след террористов. Коновалец же полагал, что подобные акты могут совершаться изолированными группа-

ми. Это, настаивал он, придаст им ореол героизма в глазах местного населения, послужит стимулом для начала широкой антисоветской кампании, в которую вмешаются Германия и Япония.

Будучи близоруким, Берия носил пенсне, что делало его похожим на скромного совслужащего. Вероятно, подумал я, он специально выбрал для себя этот образ: в Москве его никто не знает, и люди, естественно, при встрече не фиксируют свое внимание на столь ординарной внешности, что даст ему возможность, посещая явочные квартиры для бесед с агентами, оставаться неузнанным. Нужно помнить, что в те годы некоторые из явочных квартир в Москве, содержащихся НКВД, находились в коммуналках. Позднее я узнал: первое, что сделал Берия, став заместителем Ежова, это подключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находившейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлений НКВД, которые подверглись репрессиям.

Я получил пятидневный отпуск, чтобы навестить мать, которая все еще жила в Мелитополе, а затем родителей жены в Харькове. Предполагалось, что, возвратясь в Москву, я получу должность помощника начальника Иностранного отдела. Шпигельглас и Пассов были в восторге от моей встречи с Берией и, провожая меня на Киевском вокзале, заверили, что по возвращении в Москву на меня будет также возложено непосредственное руководство разведывательно-диверсионной работой в Испании.

Во время поездки жена рассказала мне о трагических событиях, которые произошли в стране и в органах безопасности. Ежов провел жесточайшие репрессии: арестовал весь руководящий состав контрразведки НКВД в 1937-м, в 1938 году репрессии докатились и до Иностранного отдела. Жертвами стали многие наши друзья, которым мы полностью доверяли и в чьей преданности не сомневались. Мы думали тогда, что это стало возможным из-за преступной некомпетентности Ежова, которая становилась очевидной даже рядовым оперативным работникам.

Здесь мне хотелось бы привести факт, который при всей его важности не упоминается в книгах, посвященных истории советских спецслужб. До прихода Ежова в НКВД там не было подразделения, занимавшегося следствием, то есть следственной части. Оперработник при Дзержинском (а также и Менжинском), работая с агентами и осведомителями курируемого участка, должен был сам вести следствие, допросы, готовить обвинительные заключения. При Ежове и Берии была создана специальная следственная часть, которая буквально выбивала показания у арестованных о «преступной деятельности», не имевшие ничего общего с реальной действительностью. Оперативные работники, курировавшие конкретные объекты промышленности и госаппарата, имели более или менее ясные представления о кадрах этих учреждений и организаций. Пришедшие же по партпризыву, преимущественно молодые без жизненного опыта кад-

ры следственной части, с самого начала оказались вовлеченными в порочный круг. Они оперировали признаниями, выбитыми у подсудимых. Не зная азов оперативной работы, проверки реальных материалов, они оказались соучастниками преступной расправы с невинными людьми, учиненной по инициативе высшего и среднего звена руководства страны. Как результат, возникла целая волна арестов, вызванных воспаленным воображением следователей и выбитыми из подсудимых «свидетельствами». Все мы надеялись, что с назначением Берии в декабре 1938 года наркомом внутренних дел, ввиду его высокого профессионализма и в связи с известным постановлением ЦК, допущенные перегибы будут выправлены. Понятно, что эта надежда была наивной, но мы искренне верили тогда в порядочность и безусловную честность наших непосредственных руководителей. Мы знали, к примеру, что Слуцкий и Шпигельглас отправляли из Москвы и устраивали на жительство жен и детей некоторых наших коллег, подвергшихся аресту, чтобы они, в свою очередь, не стали жертвами репрессий.

Из поездки я вернулся в Москву немало озадаченный слухами о творившихся на Украине жестокостях, о которых мы слышали от своих родственников. Я никак не мог заставить себя поверить, к примеру, что Хатаевич, ставший к тому времени секретарем ЦК компартии Украины, был врагом народа. Косиор, якобы состоявший в контакте с распушенной Коминтерном компартией Польши, был арестован в Москве.

Подлинной причиной всех этих арестов, как я думал тогда, были действительно допущенные ими ошибки. В частности, Хатаевич во время массового голода дал согласие на продажу муки, составлявшей неприкосновенный запас на случай войны. За это в 1934 году он получил из Москвы выговор по партийной линии. Может быть, думал я, он совершил еще какую-нибудь ошибку в этом же роде. Повторяю снова: увы, я был наивен.

В Москве Пассов и Шпигельглас сообщили, что меня ожидает новое назначение... должность помощника начальника Иностранного отдела. Это назначение, однако, подлежало еще утверждению ЦК партии, поскольку речь шла о руководящей должности, входившей в номенклатуру. И хотя приказа о моем новом назначении не последовало, фактически с августа по ноябрь 1938 года я исполнял эти обязанности.

Начало моей новой работы нельзя было назвать удачным. Я быстро понял, что мой начальник Пассов не имел никакого опыта оперативной работы за границей. Для него вопросы вербовки агентов на Западе и контакты с ними были настоящей «терра инкогнита». Он полностью доверял любой информации, полученной от агентуры, и не имел представления о методах проверки донесений зарубежных источников. Опыт его оперативной работы в контрразведке и в области следственных действий против «врагов народа» не мог ему помочь. Я был просто в ужасе, узнав, что он подпи-

сал директиву, позволявшую каждому оперативному сотруднику закордонной резидентуры использовать свой собственный шифр и в обход резидента посылать сообщения непосредственно в Центр, если у него могли быть причины не доверять своему непосредственному начальнику. Лишь позднее стало понятным, почему такого рода документ появился на свет. На Пленуме ЦК партии в марте 1937 года от НКВД потребовали «укрепить кадры» Иностранного отдела. Преступность этого требования заключалась в том, что им прикрывалось желание руководства страны избавиться от ставшего негодным старого руководства органов советской разведки.

В 1936 году испанские республиканцы согласились сдать на хранение большую часть испанского золотого запаса общей стоимостью более полумиллиарда долларов в Москву. Осенью 1938 года Агаянц прислал в Центр из Парижа телеграмму, в которой сообщал, что в Москву отослано далеко не все испанское золото, драгоценные металлы и камни. В телеграмме указывалось, что якобы часть этих запасов была разбазарена республиканским правительством при участии руководства резидентуры НКВД в Испании.

О телеграмме немедленно доложили Сталину и Молотову, которые приказали Берии провести проверку информации. Однако когда мы обратились к Эйтингону, резиденту в Испании, за разъяснением обстоятельств этого дела, он прислал в ответ возмущенную телеграмму, состоявшую почти

из одних ругательств. «Я, – писал он, – не бухгалтер и не клерк. Пора Центру решить вопрос о доверии Долорес Ибаррури, Хосе Диасу, мне и другим испанским товарищам, каждый день рискующим жизнью в антифашистской войне во имя общего дела. Все запросы следует переадресовать к доверенным лицам руководства ЦК французской и испанской компартий Жаку Дюкло, Долорес Ибаррури и другим. При этом надо понять, что вывоз золота и ценностей проходил в условиях боевых действий».

Телеграмма Эйтингона произвела большое впечатление на Сталина и Берию. Последовал приказ: разобраться во взаимоотношениях сотрудников резидентуры НКВД во Франции и Испании.

Я получил также личное задание от Берии ознакомиться со всеми документами о передаче и приеме испанских ценностей в Гохран СССР. Но легче было это сказать, чем сделать, поскольку разрешение на работу с материалами Гохрана должен был подписать Молотов. Его помощник между тем отказывался подавать документ на подпись без визы Ежова, народного комиссара НКВД, – подписи одного Берии тогда было недостаточно. В то время я был совершенно незнаком со всеми этими бюрократическими правилами и передал документ Ежову через его секретариат. На следующее утро он все еще не был подписан. Берия отругал меня по телефону за медлительность, но я ответил, что не могу найти Ежова – его нет на Лубянке. Берия раздраженно бросил:

– Это не личное, а срочное государственное дело. Пошли-те курьера к Ежову на дачу, он нездоров и находится там.

Его непочтительный тон в адрес Ежова, кандидата в члены Политбюро, несколько озадачил и удивил меня.

Вместе с курьером нас отвезли на дачу наркома в Озеры, недалеко от Москвы. Выглядел Ежов как-то странно: мне показалось, что я даю документ на подпись либо смертельно больному человеку, либо человеку, пьянствовавшему всю ночь напролет. Он завизировал бумагу, не задав ни одного вопроса и никак не высказав своего отношения к этому делу. Я тут же отправился в Кремль, чтобы передать документ в секретариат правительства. Оттуда я поехал в Гохран в сопровождении двух ревизоров, один из которых, Верензон, был главным бухгалтером ЧК-НКВД еще с 1918 года. До революции он занимал должность ревизора в Российской страховой компании, помещение которой занял Дзержинский.

Ревизоры работали в Гохране в течение двух недель, проверяя всю имевшуюся документацию. Никаких следов недостачи ими обнаружено не было. Ни золото, ни драгоценности в 1936–1938 годах для оперативных целей резидентами НКВД в Испании и во Франции не использовались. Именно тогда я узнал, что документ о передаче золота подписали премьер-министр Испанской республики Франциско Ларго Кабальеро и заместитель народного комиссара по иностранным делам Крестинский, расстрелянный позже как враг народа вместе с Бухариным после показательного процесса в

1938 году.

Золото вывезли из Испании на советском грузовом судне, доставившем сокровища из Картахены, испанской военно-морской базы, в Одессу, а затем поместили в подвалы Госбанка. В то время его общая стоимость оценивалась в 518 миллионов долларов. Другие ценности, предназначенные для оперативных нужд испанского правительства республиканцев с целью финансирования тайных операций, были нелегально вывезены из Испании во Францию, а оттуда доставлены в Москву – в качестве дипломатического груза.

Испанское золото в значительной мере покрыло наши расходы на военную и материальную помощь республиканцам в их войне с Франко и поддерживавших его Гитлером и Муссолини, а также для поддержки испанской эмиграции. Эти средства пригодились и для финансирования разведывательных операций накануне войны в Западной Европе в 1939 году.

Однако вопрос о золоте после разоблачений Орлова в 1953–1954 годах получил новое развитие. Испанское правительство Франко неоднократно поднимало вопрос о возмещении вывезенных ценностей. О судьбе золота меня и Эйтингона допрашивали работники разведки КГБ в 1950–1960 годах, когда мы сидели в тюрьме. В итоге, как мне сообщили, «наверху» в 1960-е годы было принято решение – компенсировать испанским властям утраченный в 1937 году золотой запас поставкой нефти в Испанию по клиринговым ценам.

В июле 1938 года, накануне побега Орлова, нашего резидента в Испании, циркулировали слухи о том, что он вскоре заменит Пассова на посту руководителя разведки НКВД. Однако арест его зятя, Кацнельсона, заместителя наркома внутренних дел Украины, репрессированного в 1937 или 1938 году, испугал Орлова.

Настоящая фамилия Орлова-Никольского – Фельдбин, он же «Швед» или «Лева» в материалах оперативной переписки. На Западе, впрочем, он стал известен как Александр Орлов. Я встречался с ним и на Западе, и в Центре, но мимоходом. Тем не менее, считаю важным остановиться на этой фигуре подробнее, так как именно его разоблачения в 50-х и 60-х годах в значительной мере способствовали пониманию характера репрессий 37-го года в Советском Союзе. Кстати, вопреки его утверждению, Орлов никогда не был генералом НКВД. На самом деле он имел звание майора госбезопасности, специальное звание, приравненное в 1945 году к рангу полковника. В начале 30-х годов Орлов возглавлял отделение экономической разведки Иностранного отдела ОГПУ, был участником конспиративных контактов и связей с западными бизнесменами и сыграл важную роль в вывозе новинок зарубежной техники из Германии и Швеции в Союз.

Вдобавок Орлов был еще и талантливым журналистом. Он не был в Москве, когда шли аресты и расправы в 1934–1937 годах, но его книжная версия этих событий была принята публикой как истинная. Некоторые из наших авторов даже

используют эту версию еще и сегодня для описания зверств сталинского режима. Конечно, в том, что им написано, немало правды, но надо помнить: этот человек был не слишком осведомлен о реальных событиях.

Орлов отлично владел английским, немецким и французским языками. Он весьма успешно играл на немецком рынке ценных бумаг. Им написан толковый учебник для высшей спецшколы НКВД по привлечению к агентурному сотрудничеству иностранцев. Раиса Соболев, ближайшая подруга моей жены, ставшая известной писательницей Ириной Гуро, в 20-х годах работала в экономическом отделе ГПУ под его началом и необычайно высоко его ценила. Из числа своих осведомителей Орлову удалось создать группу неофициальной аудиторской проверки, которая выявила истинные доходы нэпманов. Этой негласной ревизионной службой Орлова руководил лично Слуцкий, в то время начальник экономического отдела, который затем, став руководителем Иностранного отдела, перевел Орлова на службу в закордонную разведку. 1934–1935 годах Орлов был нелегальным резидентом в Лондоне, ему удалось закрепить связи с известной теперь всему миру группой: Филби, Макклин, Берджес, Кэрнхросс, Блант и др.

Раиса Романовна Соболев (псевдоним Ирина Гуро) (1904–1988) – советская писательница и сотрудница спецслужб

В августе 1936 года он был послан в Испанию после трагического любовного романа с молодой сотрудницей НКВД Галиной Войтовой. Она застрелилась прямо перед зданием Лубянки, после того как Орлов покинул ее, отказавшись развестись со своей женой. Слуцкий, его близкий друг, немедленно выдвинул его на должность резидента в Испании перед самым назначением Ежова наркомом внутренних дел в сентябре 1936 года. Орлову поручались ответственные сек-

ретные задания, одним из которых была успешная доставка золота Испанской республики в Москву. За эту дерзкую операцию он спецслужб был повышен в звании. Газета «Правда» сообщала о том, что старший майор госбезопасности Никольский награждается орденом Ленина за выполнение важного правительственного задания. В том же номере газеты сообщалось, что майор госбезопасности Наумов (в действительности – Эйтингон) награждается орденом Красного Знамени, а капитан госбезопасности Василевский – орденом Красной Звезды.

Орлова весьма уважал также и Шпигельглас. Он часто посещал Испанию и рассказывал мне о том, что находившийся там Орлов прекрасно справлялся с заданиями по вербовке важной агентуры.

Кстати, Орлов сыграл видную роль в ликвидации руководителя испанских троцкистов Андрея Нина. Нин за участие в мятеже троцкистов в Барселоне был арестован республиканскими властями, а потом похищен Орловым из тюрьмы и убит неподалеку от Барселоны. Затем Орлов написал антитроцкистский памфлет, распространив его от имени Андрея Нина, и создал принятую официальными властями версию о содействии немецких спецслужб побегу Нина из-под стражи. Эта акция нанесла серьезный урон престижу троцкистского движения в Испании. Об успешных дезинформационных действиях Орлова и ликвидации троцкистов в Испании Ежов непосредственно докладывал Сталину.

В июле 1938 года Шпигельглас, как намечалось заранее, должен был встретиться с Орловым на борту советского судна в бельгийских территориальных водах для получения регулярного отчета. Шпигельглас подозревал, что у французской и бельгийской спецслужб имеются основания задержать его, так как годом раньше арестовали некоторых его агентов, оказавшихся замешанными в похищении белогвардейского генерала Миллера. По этой причине Шпигельглас боялся сойти на берег. Орлов же боялся совсем другого: он подозревал, что свидание на судне подстроено, чтобы захватить его и арестовать. На встречу со Шпигельгласом он так и не явился.

Орлов скрылся, и лишь в ноябре нам стало известно, что он объявился в Америке. До того, как это произошло, я подписал так называемую «ориентировку» по его розыску, которую надлежало передать по нашим каналам во все резидентуры. В этом документе содержалось полное описание Орлова и его привычек, а также описание жены и дочери, которых в последний раз видели вместе с ним во Франции. В ориентировке указывалась причина возможного исчезновения Орлова и его семьи – похищение их одной из спецслужб: британской, германской или французской. В особенности я подчеркивал тот факт, что Орлов был известен французским и британским властям как эксперт советской делегации, участвовавший, притом дважды, в работе Международного комитета за невмешательство в гражданскую войну

в Испании. Другой причиной могла быть его измена: из сейфа резидентуры в Барселоне исчезло шестьдесят тысяч долларов, предназначавшихся для оперативных целей. Его исчезновение беспокоило нас еще и потому, что Орлов был хорошо осведомлен о нашей агентурной сети в Англии, Франции, Германии и, конечно, в Испании.

В ноябре 1938 года меня вызвал Берия и, давая указания, неожиданно распорядился прекратить дальнейший розыск Орлова. Возобновить поиски я должен был лишь по его прямому указанию. Орлов, оказывается, направил из Америки письмо лично Сталину и Ежову, в котором свое бегство объяснял тем, что опасался неизбежного ареста на борту советского судна.

В письме также говорилось, что в случае попыток выяснить его местопребывание или установить за ним слежку он даст указание своему адвокату обнародовать документы, помещенные им в сейф в швейцарском банке. В них содержалась информация о фальсификации материалов, переданных Международному комитету за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Орлов также угрожал рассказать всю историю, связанную с вывозом испанского золота, его тайной доставкой в Москву со ссылкой на соответствующие документы. Это разоблачение поставило бы в неловкое положение как советское правительство, так и многочисленных испанских беженцев, поскольку советская военная поддержка республиканцев в гражданской войне считалась офици-

ально бескорыстной. Плата, полученная нами в виде золота и драгоценностей, была окружена тайной. Орлов просил Сталина не преследовать его пожилую мать, оставшуюся в Москве, и если его условия будут приняты, он не раскроет известную ему зарубежную агентуру и секреты НКВД, которые он знает.

Я не верю, что причина, по которой Орлов не выдал кембриджскую группу или обстоятельства похищения генерала Миллера, заключалась в его лояльности по отношению к советской власти. Речь шла просто о выживании.

В августе 1938 года я впервые узнал о похищениях и ликвидации троцкистов и перебежчиков, проводившихся ОГПУ-НКВД в Европе в 30-х годах. В этой связи заслуживает некоторых уточнений дело Рейсса (настоящая фамилия Порецкий), разведчика-нелегала, засланного в Западную Европу. Им были получены большие суммы денег, за которые он не смог отчитаться, и Рейсс опасался, что может стать жертвой репрессий. Он взял деньги, предназначавшиеся для оперативных целей, и скрылся. Деньги он положил в один из американских банков. Перед своим побегом в 1937 году Рейсс написал письмо в советское полпредство во Франции, в котором осуждал Сталина. Это письмо появилось затем в одном из троцкистских изданий и стало для него роковым, хотя из досье Рейсса было видно, что он никогда не симпатизировал ни самому Троцкому, ни какой-либо из групп, которые его поддерживали. Тем не менее, после появления в

троцкистской печати этого письма Рейссу заочно был вынесен смертный приговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.